

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

RAS INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR GENDER HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

**INTELLECTUAL TRADITIONS
IN PAST AND PRESENT**

6

2022

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

6

2022

INTELLECTUAL TRADITIONS
IN PAST AND PRESENT
Volume 6 (2022)

EDITOR-IN-CHIEF

Maya S. PETROVA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lilian KARALI-GIANNAKOPOULOU, Prof.
(National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Irina G. KONOVALOVA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

António Pedro MESQUITA, Ph.D.
(Lisbon University, Portugal)

Slobodan Dan PAICH, Prof.
(Artship Foundation, San Francisco, USA)

Valery V. PETROFF, Dr.Sc.
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Lorina P. REPINA, Corresponding Member of RAS
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Gyula SZVÁK, Prof.
(Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)

Anna Yu. SEREGINA, Dr.Sc.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Andrey V. SEREGIN, Ph.D.
(RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Anna V. STOGOVA, Ph.D.
(RAS Institute of World History, Moscow, Russia)

Founder

Russian Society of Intellectual History;
website: <http://roi.ru/>

Frequency: biennial

Published from 2012

Indexed by

Russian Index of Scientific Quotations
(from 2012)

All materials are peer reviewed

Editorial address

32A Leninsky Prosp., Moscow 119334, Russia

Tel.: + 7 (968) 924–97–30

e-mail: aquilopress@gmail.com

website: <https://www.aquilopress.com>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ
Выпуск 6 (2022)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н. М.С. ПЕТРОВА

(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

проф. Лилян КАРАЛИ-ГИАНАКОПУЛУ
(Афинский университет, Греция)

д.и.н. И.Г. КОНОВАЛОВА

(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

Ph.D. Антониу Педру МЕШКИТА

(Лиссабонский университет, Португалия)

проф. Слободан Дэн ПЭЙЧ

(Artship Foundation, Сан-Франциско, США)

д.ф.н. В.В. ПЕТРОВ

(Институт философии РАН, Москва, Россия)

член-корр. РАН Л.П. РЕПИНА

(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

проф. Дюла СВАК

(Университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия)

д.и.н. А.Ю. СЕРЕГИНА

(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

к.филол.н. А.В. СЕРЁГИН

(Институт философии РАН, Москва, Россия)

к.и.н. А.В. СТОГОВА

(Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

Учредитель

Российское Общество интеллектуальной
истории; сайт: <http://roii.ru/>

Периодичность: один раз в два года

Выходит с 2012 года

Издание индексируется в

Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ), 2012

Публикуемые материалы рецензируются

Адрес редакции

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. +7 (968) 924–97–30

e-mail: aquilopress@gmail.com

сайт: <https://www.aquilopress.com/>

УДК 9.94
ББК 63.3 и 87.3
И 73

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ /
М.С. Петрова (ред.) — М.: Аквилон, 2022. Вып. 6 — 372 с.

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем — научное периодическое издание, посвященное истории идей, проблемам их рецепции, переноса и трансформации. Применительно к истории, философии, филологии, науке, культуре изучается кросс-культурное и межцивилизационное взаимодействие при трансляции знания, выявляются и прослеживаются традиции и цепочки интеллектуальных влияний для разных исторических периодов.

Научное издание

INTELLECTUAL TRADITIONS IN PAST AND PRESENT /
Maya S. Petrova (ed.). — Moscow: Aquilo Press, 2022. Vol. 6. — 372 p.

Intellectual Traditions in Past and Present is a periodical with a focus on the history of ideas, the problems of their reception, translation and transformation. Cross-cultural and inter-civilization interaction in the transmission of knowledge is studied in relation to history, philosophy, philology, science, and culture, traditions and chains of intellectual influences are traced and explored for different historical periods.

Scientific Edition

Эл № ФС77–54409
ISSN 2307–8189

Intellectual'nye tradicii v prošlom i nastoâšem /
M.S. Petrova (red.). — Moskva: Akvilon, 2022. Vypusk 6. — 372 s.

А К В И Л О Н
AQUILO PRESS

© М.С. ПЕТРОВА, ред., 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022

© M.S. PETROVA, ed., 2022
© Contributors, 2022
© Aquilo Press, 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

All rights reserved

No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher

СОДЕРЖАНИЕ

AD FONTES

<i>А.В. СЕРЁГИН</i>	
Предисловие к переводу «Теофраста» Энея из Газы.....	9
[Перевод «Теофраста» Энея из Газы]	
Перевод с древнегреческого и примечания А.В. СЕРЁГИНА.....	34
<i>ДУНГАЛ ЗАТВОРНИК</i>	
Письмо Карлу Великому	
Перевод с латинского В.Т. ЗВИРЕВИЧА под ред. М.С. ПЕТРОВОЙ, примечания В.Т. ЗВИРЕВИЧА и М.С. ПЕТРОВОЙ.....	118
<i>А.Ю. СЕРЕГИНА</i>	
Капитан Джон Смит в Венгрии и Трансильвании.....	157
Правдивая история путешествий, приключения и наблюдения капитана Джона Смита в Европе, Азии, Африке и Америке в 1593–1629 годы	
Перевод с английского и примечания А.Ю. СЕРЕГИНОЙ.....	183

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ И ФАКТОВ

<i>А.С. АФОНАСИНА</i>	
Как Дионис попал в диалоги Платона и занял в них важное место?.....	233
<i>Ф.В. ПЕТРОВ</i>	
Кассиодор и Августин о душе: общее и особенное.....	253
<i>В.К. ПИЧУГИНА, А.Ю. МОЖАЙСКИЙ</i>	
Пространства города и дома в «Трагедии Ореста» Драконция.....	277
<i>И.Г. КОНОВАЛОВА</i>	
Координатные данные в средневековых описательных географических сочинениях.....	290
<i>В.В. ПЕТРОВ</i>	
Вихревой Лондон в «Записках чудака» Андрея Белого.....	306

CONTENTS

AD FONTES

<i>Andrei SEREGIN</i>	
Preface to the Translation of <i>Theophrastus</i> by Aeneas of Gaza.....	9
[The Translation of “Theophrastus” by Aeneas of Gaza]	
<i>Translation and notes by Andrei SEREGIN</i>	34
<i>DUNGAL OF BOBBIO</i>	
A letter, directed to Charlemagne	
<i>Translation by Vitold ZVIREVICH, edited by Maya PETROVA,</i>	
<i>notes by Vitold ZVIREVICH and Maya PETROVA</i>	118
<i>Anna SEREGINA</i>	
Captain John Smith in Hungary and Transylvania.....	157
A True Story of Captain John Smith’s Travel, Adventure and	
Observation in Europe, Asia, Africa and America in 1593–1629	
<i>Translation and notes by Anna SEREGINA</i>	183

INTERPRETATION OF TEXTS AND EVENTS

<i>Anna AFONASINA</i>	
How Dionysus Got into Plato’s Dialogues and Occupied such	
an Important Place in them?.....	233
<i>Philip PETROV</i>	
Cassiodorus and Augustine on the Soul:	
General and Particular.....	253
<i>Viktoria PICHUGINA, Andrej MOZHAJSKY</i>	
City Spaces and House Spaces in Dracontius’ “Orestis Tragoedia”.....	277
<i>Irina KONOVALOVA</i>	
Coordinate Data in Medieval Descriptive Geographical Writings.....	290
<i>Valery PETROFF</i>	
The London Vortex in Andrei Bely’s “Diaries of an Idiot”.....	306

В.В. ПЕТРОВ

ВИХРЕВОЙ ЛОНДОН В «ЗАПИСКАХ ЧУДАКА» АНДРЕЯ БЕЛОГО

В публикации предлагается интерпретирующий анализ «Записок чудака» Андрея Белого. Исследуются исторические, философские, естественнонаучные и литературные аспекты этого сложного автобиографического модернистского текста. В центре рассмотрения находятся так называемые «лондонские» главы книги. Реконструируется история замысла цикла романов Андрея Белого, объединенных общим заглавием «“Я”. Эпопея». Проясняется смысл заглавия «Записки чудака». В качестве авторов, на которых ориентировался Андрей Белый, указаны Ф.М. Достоевский, Ч. Диккенс и Гёте («Фауст»). Приводятся доводы в пользу предположения, что изображение военного Лондона в «Записках чудака» отразилось в «Возвращении Мюнхгаузена» Сигизмунда Кржижановского. Исследуется место и семантика лексемы «вихрь» в образном языке Андрея Белого. Обнаружено, что ассоциация вихря со злом и небытием присутствует в прозе Белого уже в 1903 году. Особое внимание уделено анализу представленной в «Записках чудака» теме распада мира в атомных вихрях. Посредством привлечения доступных Белому научных публикаций Оливера Лоджа и Уильяма Томсона (лорда Кельвина) показано, что соответствующие образы в «лондонских главах» представляют собой художественное переосмысление конкретных научных теорий физики конца XIX – начала XX века; это касается рассуждений Андрея Белого об энтропии, вихревом атоме, демоне Максвелла и пр. Отмечено значительное влияние на Андрея Белого публикаций Н.А. Умова, его наставника в Московском университете. В качестве параллели вихревым теориям мира у Андрея Белого указано на художественное течение «вортицизм», придуманное Эзрой Паундом после знакомства с учением

У. Томсона о вихревом атоме. Делается вывод, что пост-классическая физика для Андрея Белого — это учение не об устройстве мира, но об уничтожении физической вселенной. Обсуждается тема шпиономании периода первой мировой войны, которая ассоциировалась у Белого с мировым оккультным заговором. Установлена личность неназванного друга, с которым автор встречался в Лондоне: им является эсер Николай Маликов. Указано, что тема «расплющивания», понятого как переход от трехмерного существования к двумерному, заимствована Андреем Белым из работ Д.С. Мерезковского, где образы многомерных пространств и неэвклидовой геометрии часто встречаются. Обсуждаются соответствующие построения Андрея Белого.

Ключевые слова: Андрей Белый, Р.В. Иванов-Разумник, Достоевский, Диккенс, Сигизмунд Кржижановский, Н.А. Умов, Оливер Лодж, Уильям Томсон (лорд Кельвин), Эзра Паунд, вихревой атом, энтропия, пост-классическая физика.

«З а п и с к и» — единственно правдивая моя книга; она повествует о страшной болезни, которой был болен я в 1913–1916 годах. Но я, проходя чрез болезнь, из которой для многих исхода нет, — победил свою “m a n i a”, изобразив объективно ее; эта “m a n i a” есть врата, чрез которые проходит “Я” всякого к осознанию в себе над-индивидуального “Я”; и сумасшествие — подстерегает здесь. Я прошел сквозь болезнь, где упали в безумии Фридрих Ницше, великолепнейший Шуман и Гёльдерлин. И — да: я остался здоров, сбросив шкуру с себя; и — возрождаясь к здоровью.

Андрей Белый

Замысел и заглавие

Замысел серии романов, повествующих о становлении его духа и основанных на литературно переработанном биографическом материале, возник у Андрея Белого в сентябре 1915 года¹. В ноябре того же года Белый пишет Иванову-Разумнику о форме будущего произведения, в которой уже просматриваются характерные

---

¹ Андрей Белый. Ракурс к дневнику; сентябрь 1915 г. // Белый 2016, 421: «Первые мысли об эпопее “Моя жизнь”».

особенности сочинения, которое позже получит именование «“Я”. Эпопея»:

«Теперь же сижу над 3-ей частью “Трилогии”, которая разрастается ужасно и грозит быть трех-томием. Называется она “Моя жизнь”: первый том — “Детство, отрочество и юность”. Первая часть тома, как и две другие части, в сущности, самостоятельны; ее кончу через 2 – 2 1/2 месяца; она называется “Котик Летаев” (годы младенчества); и мне бы хотелось ее пристроить в какой-нибудь журнал <...>

Приходится черпать материал, разумеется, из своей жизни, но не биографически: т.е., собственно, ответить себе: “Как ты стал таким, каков ты есть”, т.е. самосознанием 35-летнего дать рельеф своим младенческим безотчетным волнениям, <...> показать, как *ядро* человека естественно развивается из себя и само из себя в стремлении к положительным устоям жизни приходит через ряд искусов к... духовной науке, потому что духовная наука и христианство для меня ныне синонимы².

Летом 1916 г. Белый называет Иванову-Разумнику части эпопеи:

«“Котик Летаев” есть первая часть огромного романа “Моя жизнь” — в нем 7 частей: “Котик Летаев” (годы младенчества), “Коля Летаев” (годы отрочества), “Николай Летаев” (юность), “Леонид Ледяной” (мужество), “Свет с востока” (восток), “Сфинкс” (запад), “У преддверия Храма” (мировая война)... Каждая часть — самостоятельное целое»³.

А.В. Лавров приводит комментарий Иванова-Разумника к этому месту:

«Пока [это] единственное известное указание на план грандиозного замысла серии романов, сперва носившей название “Моя жизнь”, а позднее переименованной в “Эпопею” и “Я”. Замысел серии из семи романов вскоре разросся до девяти романов <...>, а позднее (в 1920 году) АБ окончательно остановился на десяти романах своей “Эпопеи”, или “Я” <...> Из этого плана осуществлены три части: “Котик Летаев”,

² Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 7 ноября 1915 // Белый 1998, 57.

³ Андрей Белый — Иванову-Разумнику, ок. 11 июля 1916 г. // Белый 1998, 70.

“Преступление Николая Летаева” (“Крещеный китаец”) и “Записки чудака”»⁴.

В январе 1917 г. Белый еще именовал серию «Моя жизнь»⁵, но постепенно на первый план выходили другие названия — «“Я”. Эпопея»⁶ и «Записки чудака»⁷.

Оставшаяся в рукописи ранняя редакция «Записок чудака» (февраль-октябрь 1918) надписана титулом «Воспоминания странного человека, Андрея Белого». Подобное заглавие акцентирует дневниковый и мемуарный аспекты текста.

Первая публикация «Записок чудака» в «Записках мечтателей» (январь 1919) имела пространный заголовок: «“Я”. Эпопея. Том I: “Записки чудака”. Часть I: “Возвращение на родину”». Подобный титул можно интерпретировать следующим образом. Первым томом проекта является книга “Записки чудака”, первая часть которой “Возвращение на родину” имеет в качестве сюжетной основы вынужденную поездку автора из Швейцарии в Россию в 1916 году. Напротив, «“Я”. Эпопея» — это не название текста, публикуе-

---

⁴ Белый 1998, 71, примеч. 2.

⁵ Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 5 января 1917 г. // Белый 1998, 91: «надо бы приступить к продолжению 2-ой части “Моя жизнь”».

⁶ В 1919 г. Белый пишет С.М. Алянскому: «К началу 30-х годов (через 10 лет) я должен написать ряд томов “Я” <...> Если в 1920 году не уеду за границу, в 1921 году ни Бугаева, ни Белого, ни “Я” уже не будет <...>» (Белый 1998, 199, примеч. 46); ср.: Томочка-песик (Отрывок из романа “Эпопея”) // Белый 1922d. А.В. Лавров сообщает (Белый 2016, примеч. 6): «В середине декабря 1920 г. Белый писал Константину Эрбергу: “Моя миссия — “Эпопею” написать: написать надо 10 томов <...> “Эпопея” — шаг к отъезду; пока не будет написан первый том, я даже не могу думать об отъезде” <...> В берлинском журнале “Русская Книга” в отделе “Писатели” было опубликовано сообщение о том, что Белый “закончил первый том своего нового романа “Эпопея” (задуман в 10-ти томах)” (1921. № 5. С. 19)».

⁷ Ср.: Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 12 марта 1919 г. // Белый 1998, 174: «Чувствую себя очень не важно; иссякает энергия жить и бороться за право писать; “Пролеткульт” все более и более засасывает <...> Чувства горечи от того, что “Записки Чудака” завязли ровно в тот момент, как я по долгу службы вынужден был неформально отнестись к курсу: он отнимает у меня 3 дня в неделю <...>; а при этих условиях почти невозможно писать “Записки Чудака”».

мого в «Записках мечтателей» №№ 1 и 2–3. Это титул большого проекта, который должен состоять из серии книг. Здесь «эпопея» — не название, а жанровая характеристика серии книг, содержанием которых должны стать перипетии и взаимоотношения эмпирического и надличностного «Я» Бориса Бугаева / Андрея Белого.

В 1922 году, при публикации в «Современных записках» глав из «Крещеного китайца» (в журнальных выпусках они имеют общий титул «Преступление Николая Летаева») Андрей Белый указал в предисловии, что главы эти составляют «первый том серии томов “Эпопеи”, задуманной автором»⁸. Таким образом, если при нумерации томов придерживаться последовательности описываемых в них событий жизни автора, после появления «Преступления Николая Летаева» в 1922 году, «Записки чудака» должны были утратить статус первого тома эпопеи «Я». И в самом деле, когда в том же 1922 г. «Записки» были переизданы в виде двухтомника, Андрей Белый в предисловии к изданию (от 2 января 1922 года) указал, что «Эпопеей» называется вся серия задуманных томов, тогда как «Записки чудака» — это введение в серию, ее пролог:

«Эпопея есть серия мной задуманных томов, которые напишу я, по всей вероятности, в ряде лет; “Записки чудака” — предисловие — пролог к томам: в ней (sic!) берется лишь издали тема, которая конкретно лишь отчеканится серией романов; отсюда абстрактность и неудобочитаемость “пролога”; тем не менее в общей концепции я считаю необходимым его. Здесь следует оговориться. Герой пролога “Я”; этот “Я”, или это “Я” не имеет же никакого касания к “Я” автора; автор “пролога” Андрей Белый; герой пролога — Леонид Ледяной; этим все сказано: Леонид Ледяной — не Андрей Белый»⁹.

Таким образом, возможно по недосмотру, хронологический принцип серии романов, намеченной автором в 1916 г., оказался нарушен.

«Записки чудака» создавались автором в период экзистенциального кризиса, во время которого Андрей Белый испытывал распад своего прежнего бытия и личности. Сильнейшие переживания побуждали его к отрицанию своей прежней судьбы, социальных

⁸ Белый 1922с, 65.

⁹ Записки чудака // Белый 1922а, 10.

личин (литератора) и пр. Создавая текст, автор пытается нащупать и зафиксировать контуры своего Я, проанализировать то, что с ним происходит, определить свое новое место в мире. «Записки чудака» — это попытка Бориса Бугаева отстраниться от истории своих состояний сознания, попытка объективировать свой дух и посредством этого пересоздать самого себя¹⁰. В послесловии к «Запискам» (сентябрь 1922 г.) Андрей Белый пишет:

«“Записки Чудака” — для меня — странная книга, единственная: исключительная <...> Здесь пишу о себе, издеваясь зло над событиями, болезненно прошумевшими над судьбою моею; пишу-то не я, Андрей Белый, а — пишет Чудак, “идиот”, перепутавший планы глубиннейшей внутренней жизни. <...> Лейтмотив “Чудака” — болезненная перепутанность психологии, вписывающей в брэнную и бездарную личность дары Духа “Я”, над-индивидуального “Я”. <...>

В “Записках” нет строчки, которую я бы не пережил сам так именно, как переживания свои изобразил. В том смысле “Записки” — единственно правдивая моя книга; она повествует о страшной болезни, которой был болен я в 1913–1916 годах. Но я, проходя чрез болезнь, из которой для многих исхода нет, — победил свою “mania”, изобразив объективно ее; эта “mania” есть врата, чрез которые проходит “Я” всякого к осознанию в себе над-индивидуального “Я”; и сумасшествие — подстерегает здесь. Я прошел сквозь болезнь, где упали в безумии Фридрих Ницше, великолепнейший Шуман и Гёльдерлин. И — да: я остался здоров, сбросив шкуру с себя; и — возрождаясь к здоровью. <...>

“Записки Чудака” — сатира на [себя] самого, на пережитое лично. Поэтому-то ненавижу я эту “книгу”, как ненавидят воспоминания о минувшей болезни. Но поскольку болезнь моя — болезнь века, болезнь, которой больны бессознательно многие, постольку же сквозь отвращение к “книге” люблю я “Записки”, как правду болезни моей, от которой свободен я ныне»¹¹.

Цитируемый фрагмент проясняет смысл титула: автор намекает читателю, что его «Чудак» отсылает к *«Идиоту»* Ф.М. Достоевского и, соответственно, — к *«Дневнику писателя»*, *«Запискам из подполья»*. Таким образом, протагонист «Записок» уже не «экс-

---

¹⁰ См.: Петров 2018d, 210-235.

¹¹ Записки чудака // Белый 1922b, 234-236.

центрик» или «недотепа», но трагическая фигура, двойник князя Мышкина. Соответственно, и «Записки» — это не «заметки», но «дневник», «памятные записи» — то, что греки именовали *ὑπομνήματα* (вспомним «Воспоминания» Ксенофонта: *Ἀπομνημονεύματα*, *Memorabilia*). Из ранней редакции сочинения «Записки странного человека, Андрея Белого» следует, «Записки чудака» — это дневник состояний сознания, это «свидетельства» пережитого (на английском «Запискам» соответствуют *testimonies, diaries, chronicles, accounts* и даже *confessions*), а с учетом того, что в рассматриваемых нами главах речь идет о путешествии, «Записки» — это еще и травелог (*journal, letters*), ср. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Выместив свой травматичный опыт в текст «Записок», Андрей Белый освободился от своей одержимости и повторил путь Гёте, в схожей ситуации написавшего «Страдания молодого Вертера» (опубликовав книгу, Гёте исцелился от душевной раны, а по Германии прокатилась волна самоубийств: читатели решили подражать протагонисту). В «Записках чудака» личный опыт автора, переживание им пограничных состояний сознания (к которому поощряли психотренинги внутренней школы Рудольфа Штейнера) представлены в литературной обработке, которая, впрочем, не закрывает доступа к первичному, «сырому» материалу психических переживаний автора. В этом смысле Борис Бугаев стоит в ряду тех первопроходцев конца XIX – начала XX века, которые получили возможность фиксировать и запечатлеть на бумаге свой экзистенциальный и паранормальный опыт, не пытаясь оформить его в терминах догматики той или иной традиционной религии¹².

И хотя подчас повествование представляется совершеннейшим бредом, — в чем соглашается с воображаемым читателем сам автор, — внимательное чтение демонстрирует, что в самых фантазматических построениях, открывая себя для областей подсознания и сверхсознательного, Андрей Белый остается мастером, полностью контролирующим процесс письма и владеющим формой. При всех выходах за канонически признанные границы жанра, текст является хорошо продуманным литературным произведением, художествен-

¹² Об этой «дикой» мистике, см.: Петров 2015а, 191-248 (особенно, с. 205 и сл.).

ной прозой. Это понимали посвященные во внутренний мир автора современники¹³, об этом пишут исследователи¹⁴.

В законченном виде «Записки чудака» вобрала в себя разделы, отражающие сменявшие друг друга замыслы автора. Начало «Записок» несет отпечаток «Воспоминаний странного человека», представляя собой попытку фиксации состояний своего сознания в период духовного кризиса¹⁵; часть первая — «Возвращение на Родину» описывает путь из Дорнаха в Петроград. Проблематика финала двухтомных «Записок чудака» схожа с таковой у «Котика Летаева».

Литературоцентричность репрезентации Лондона

В фокусе настоящего исследования — три «лондонские» главки «Записок чудака», которые образуют раздел произведения, почти самодостаточный в сюжетном плане, имеющим свою логику: завязку, кульминацию и финал. В главках «Лондон», «Фантазмагория» и «Лондонская неделя» (1921) Белый описывает свое недолгое пребывание в Лондоне — с 20 по 25 августа (по старому стилю) 1916 г. В Лондоне он оказался вынужденно, перемещаясь из швейцарского Дорнаха в Россию, куда его призвали на военную службу. Вместе с Белым возвращался Александр Михайлович Поццо, муж Натальи Тургеневой, с которыми Андрей Белый и Ася Тургенева жили в Швейцарии.

Из-за условий войны добраться до Москвы можно было только кружным путем, в обход действующего фронта, по маршруту: Берн, Париж, Гавр, Саутгемптон, Лондон, Ньюкасл, Ставангер, Берген, Христиания (Осло), Гапаранда / Торнио, Петроград. В во-

---

¹³ Шагинян 1923, 103-110.

¹⁴ Лавров 2007, 194: «В галлюцинаторном, сновидческом измерении предстают едва ли не все эпизоды “Записок чудака”, но особенно последовательно эта особенность повествования сказывается в “английских” главах книги. Имевшие место, видимо, в действительности проволочки с получением в Швейцарии транзитной английской визы и непредвиденная задержка в Лондоне пробудили в сознании Белого причудливый комплекс подозрений и страхов, который, будучи претворенным в художественную реальность, стал главной пружиной “внутреннего” сюжета “Записок чудака”».

¹⁵ О «существовании на границе» и «челне личного сознания, озарённого всеобщим сознанием» у Андрея Белого см. Петров 2018с, 249 и 251, примеч. 4.

енное время в Британию было непросто попасть, но также из нее было непросто выехать: всех иностранцев тщательно проверяли на благонадежность и в худшем случае могли интернировать в места заключения до конца войны. Поэтому лондонскую неделю русские путники провели за добыванием разрешения двигаться дальше. Пропуск и визу выдавали в военном Пермит-оффисе (The Military Permit Office, 19 Bedford Street), в очередях которого путешественники и потратили большую часть недели¹⁶.

При том, что «Записки чудака» представляют собой ярко выраженный эго-документ, внимательное чтение «лондонских глав» выявляет их прочную укорененность в предшествующей литературной традиции. Отсылки к Достоевскому — не единственные литературные реминисценции «Записок чудака». А.В. Лавров уже указывал на следы чтения Г.К. Честертона и Дж. Конрада у Андрея Белого¹⁷. Действительно, в период формирования замысла своей «“Я”. Эпопеи», летом 1917 г., Белый, видимо, читал роман Честертон: в письмах к Иванову-Разумнику он сравнивает текущую политическую ситуацию с событиями из романа «Человек, который был Четвергом» и о замысле самому написать что-то «в духе Честертон»¹⁸.

Кругом указанных выше литературных влияний и аллюзий дело не ограничивается. Лондонские главы «Записок чудака» демонстрируют также «диккенсовский» след. Примечательный факт: репрезентация Лондона в литературе часто отталкивается не от

¹⁶ Ср.: Белый 1922b, 34: «Пробежала неделя, как сон. <...> От такого-то часу до этого надо было торчать, добиваться, напоминать, хлопотать — в соответственном учреждении: ждать разрешения — написать нам Прощение — в Учреждение! — чтобы в третьей инстанции велико-лепной печаткой к бумаге приставили б <...> клеймо (о, клейменные паспорта!) к числу прочих, уже здесь стоящих (в московском участке впоследствии отказались меня прописать по клейменному паспорту)».

¹⁷ Лавров 2007, 180-197.

¹⁸ Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 16 июня 1917 г. // Белый 1998, 119: «Теперь пишу брошюру “Искусство и революция” <...> Читали ли Вы рассказ Честертон “Человек, который был Четвергом”? Я боюсь, что боязнь всего среднего нас скоро поставит в положение героев этого романа»; Там же, 27 июля 1917 г. // Белый 1998, 124: «Август поработаю здесь (есть тема повести “О том, о чем никто не пишет” а la Честертон)».

фактической реальности, непосредственно подмеченной тем или иным автором, но либо воспроизводит общие места (то́ло), предлагаемые в сочинениях предшественников, либо делает крен в сторону построения новых литературных клише. К примеру, раздел «Отрывочные заметки об Англии» из «Путевых картин» Гейне (1828) вполне может служить вводным эпиграфом к лондонским главкам «Записок чудака». Мотивы, гиперболизация, эмоциональная подача, теоретические обобщения, представленные у Гейне, присутствуют и у Андрея Белого:

«Высокое здание, <...> как призрачный, мрачный сон, выступало из покрытого туманом Лондона <...> Я видел <...> каменный лес домов, а между ними — бурный поток живых людей <...> Посылайте в Лондон философа, но Бога ради, не посылайте туда поэта! Посылайте туда философа и поставьте его на углу Чип-сайда (Cheapside)... Будут шуметь вокруг него человеческие волны, <...> он явственно услышит и увидит биеение пульса вселенной <...> Но не посылайте в Лондон поэта! <...> Это колоссальное однообразие, это машинное движение, <...> этот неизмеримый Лондон, подавляют фантазию и разрывают сердце. А если ещё вы пошлётё туда поэта немецкого <...> О, плохо придется ему, и затолкают его со всех сторон, или, пожалуй, <...> даже с ног собьют. *God damn!* Проклятые толчки! <...> У этого народа очень много дела <...>

Лондон показался мне мостом через Березину, по которому ломится народ в безумной тревоге, <...> мостом, где дерзкий всадник топчет бедного пешехода, <...> где самые близкие приятели равнодушно перелезают через трупы друг друга, где тысячи людей, <...> напрасно стараются уцепиться за доски моста и низвергаются в холодную, ледяную бездну смерти!»¹⁹.

Русские литераторы, для которых Лондон был слишком далеко, чтобы увидеть его воочию, естественным образом представляли себе столицу Англии «по Диккенсу», примером чего является стихотворение В. Хлебникова «Кручёных» (1921):

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней

---

¹⁹ Гейне 1904, 447-451.

Прилепил к сибирскому зову на “чѣных”.

...

Лицо *англиза*, крепостного

Счетоводных *книг*,

Усталого от книги <...>²⁰.

Здесь Хлебников разбивает фамилию «Кручѣных» надвое (Круч | чѣных) и толкует первую часть «Круч-» как русский эквивалент английскому «*twist*». «Бледный житель серых камней» — это обитатель Лондона Оливер Твист²¹. Этимологизация фамилий писателя и персонажа создает связку «Лондон — кручение».

Неудивительно, что и «Записки чудака» Андрея Белого тоже задумывались в русле диккенсовской традиции. В 1915 г. Белый так писал Иванову-Разумнику о серии автобиографических романов «Моя жизнь», которая на определенном этапе получила именование «“Я”». Эпопея»: «Работа меня крайне интересует: мне мечтается форма, где “Жизнь Давида Копперфильда” взята по “Вильгельму Мейстеру”, а этот последний пересажен в события жизни душевной; приходится черпать материал, разумеется, из своей жизни, но не биографически»²². Видимо, не случайно имя возлюбленной лирического героя «Нелли» отсылает к Нелли Трент (Nell Trent) — героине романа Диккенса «Лавка древностей» (The Old Curiosity Shop). И не случайно, «демон Максвелла», который тащит русских путешественников через центр Лондона, в какой-то момент указывает: «Вот дом, где была «лавка древностей» Диккенса»²³.

Ярким примером литературоцентричности описания Лондона является «Возвращение Мюнхгаузена» Сигизмунда Кржижановского, демонстрирующее влияние лондонских глав «Записок чуда-

²⁰ Хлебников В. Кручѣных (1921) // Хлебников 2001, 333.

²¹ Амелин, Мордерер 2001, 291-292: «Оливер Твист... Его имя содержит книгу <...> *liber* (лат.), *livre* (франц.) <...> Фамилия же его предопределяет образ действия, поскольку *англ. twist* — “переплетаться, сплетаться, крутить”. Омри Ронен точно угадал в одном из хлебниковских стихотворений такую же игру с *twist*. Только у Хлебникова в диккенсовского героя воплощается главный заумник русского авангарда — Алексей Кручѣных. Его именем и называется текст».

²² Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 7 ноября 1915 // Белый 1998, 57.

²³ Записки чудака // Белый 1921а, 61; Белый 1922b, 22.

ка» Андрея Белого (первая часть которых имела созвучный титул — «Возвращение на родину»). Кржижановский никогда не бывал в Лондоне, но досконально изучил его не только по справочникам, но и топографически — по картам²⁴. Его Лондон дан через восприятие барона Мюнхгаузена, и этот призрачный конструкт, несущий самобытные черты его собственной эстетики — во многом совпадает с тем, каким рисует Лондон Андрей Белый. Как и у Белого, речь идет не столько о реальной жизни города, сколько об экстравагантных идеях и причудливом восприятии действительности неким фантазером-теоретиком²⁵. Реальность Лондона складывается из устойчивых клише: дождя и туманов, которые становятся метафизическими²⁶, из атомизации и деперсонализации людей²⁷,

---

²⁴ Бовшек 1965, 245: «Мы размечтались на любимую тему Сигизмунда Доминиковича. Он страстно мечтал о поездке в Англию. Работая над повестью “Материалы к биографии Горгиса Катафалаки”, он долго просиживал над картой Лондона, тщательно изучал его улицы, сплетения переулков, скверы, памятники старины и, вероятно, знал их не хуже старожилов этого удивительного города. Теперь он рассказывал о том, что поедет со мной в Англию, поведет по знакомым улицам Лондона, покажет Вестминстерское аббатство, Трафальгар-сквер и прочие чудеса».

²⁵ Топоров 2013, 359: «О знании пространства и чувстве пространства, о любви и вкусе к нему, об “игре души с пространством” можно судить по фактам биографии писателя (потребность в “смыслоконструирующих” прогулках и соответствующая обширная практика), засвидетельствованным людьми, хорошо его знавшими, и отраженным многими его произведениями, по опытам “вторичной” топографической рефлексии (погружение в изучение планов Москвы или Лондона — и не только ради “дела”, например в связи с “лондонскими” эпизодами своих рассказов, но и для “души”, более того, само наличие неких идеальных планов, основная черта которых — их самодостаточность, делающая их не только первичными, но и реальными, во всяком случае — более реальными, нежели те фантомно-потенциальные города, что могли бы этим планам соответствовать), наконец и более всего по образам (и рефлексиям над ними) того пространства, которое восстанавливается “от противного” на основе деформированного и / или опустошенного, десемантизирующегося пространства, ставшего уделом писателя в последние 10–15 лет его жизни».

²⁶ Кржижановский С.Д. Возвращение Мюнхгаузена (1927 / 28) // Т. 2, 137: «“Еще меньше мы смыслим в туманах”, — продолжал <...> [барон] меж затяжками, — “начиная хотя бы с туманов метафизических <...> Завтра я намереваюсь нанести визит туманам Лондона. Заодно и

одинокства²⁸. Как и Андрей Белый, Кржижановский изображает Лондон 1916-го года в военный период, отмеченный цепеллинами и субмаринами²⁹, упоминает о лапах британского льва³⁰, о «гомми»³¹,

живущим в них. Да, белёвые флёры, подымающиеся с Темзы, умеют расконтуривать контуры, завуалировать пейзажи и мирозерзерцания, заштриховать факты и... одним словом, еду в Лондон»); Там же, 148: «Барон Мюнхгаузен, благополучно прибыв в Лондон, был, по его словам, чрезвычайно любезно принят местными туманами. Туманы верно и покорно служили ему. Он умел наполнять ими головы по самое темя ловчее опытной молочницы, разливающей свой товар по бидонам».

²⁷ Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 234: «Люди — это дробь, выдающие себя за единицы, доразливающие себя словами <...> Целы лишь цели нецелых».

²⁸ Одиночество (1939) // Т. 3, 31: «Нас, Джонов Джонсонов, в одной только телефонной книге Лондона сто четырнадцать человек, различающихся лишь номерами домов и названиями улиц. <...> А я... кто такое я? Самое это слово “я” я старался всегда произносить негромко»; Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 147: «Крупный шрифт газетной депеши сообщал об успешном представительстве фон М. в влиятельнейших сферах Англии. Остальные буквы имени будто проваливались в лондонский туман».

²⁹ Материалы к биографии Горгиса Катафалаки (1929) // Т. 2, 322: «Осень 1916-го принесла Лондону немало испытаний. Немецкие субмарины, прорывая заграждения мин, заплывали в Темзу. Сверху грозили лёты воздушных кораблей. По ночам Лондон тушил свои огни»; Глазунья в пенснэ (1940) // Т. 2, 167: «Я... перелистывал газетный лист, читая о бомбах, рушащихся на Лондон. Внезапно буквы стали большими и дымными, быстро теряя ясность контура»; Москва в первый год войны. Физиологические очерки. Окна (1946 / 49) // Т. 3, 501: «Еще до войны начали они высматривать войну: окна Москвы. По прозрачной поверхности их легли бумажные кресты и зигзаги <...> Они казались <...> одеждой с чужого, лондонского плеча. А там и самая война с чужих плеч на наши».

³⁰ Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 237: «Такова была третья странность барона Мюнхгаузена: удалось увернуться из-под удара тяжелой лапы британского льва. От Лондона до Дувра всего ведь два часа пути. Притом человеку, проскользнувшему меж пяти лучей, трудно ли разминуться с пятью когтями?»

³¹ Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 150-151: «Произносится адрес — и Джонни поворачивает руль или вправо — к Патерностер-стрит, или влево — к суге Флит-стрита, расшвыривающего буквы по всей земле; отсюда уже двадцативерстные радиусы Лондона — то тот, то этот — протягиваются под шуршащие шины лимузина»; Материалы

поднимает тему шпионажа³². Сомнамбулическая реальность Лондона в любую минуту может рассеяться³³. В целом, можно предположить, что лондонские главы «Записок чудака» были источником вдохновения для автора ««Возвращения Мюнхгаузена»».

«Вихри» в образном языке Андрея Белого

Прежде, чем приступить к рассмотрению вихревых мотивов «Записок чудака», заметим, что «вихри» являются устойчивой составляющей мифо-поэтического мира Андрея Белого. В лондонских главах «вихрь» получает физическое толкование, но «вихрь» обильно присутствовал в образном языке Белого много раньше, как нельзя более подходя его поэтике, — соединяя в себе признаки круговорота («цикличность»), скорости («бег», «мимолетность»), хаоса и непредсказуемости движения³⁴. В поэзии Белого «вихрь» встречается, начиная с «Фонтана» (1901). На физическом уровне снежные вихри взметаются в «Петербурге», в «Симфониях» (последняя из которых, четвертая, так и называется: «Кубок мете-

---

к биографии Горгиса Катафалаки (1929) // Т. 2, 323: «Это дезертир с фронта. Эй, Томми, — он затряс задремавшего».

³² Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 238: «[Мюнхгаузен — это] немецкий агент, терпящийся среди московских большевиков».

³³ Записные тетради, III // Т. 2, 405-406: «Сон: я и любимая подъезжаем к Лондону. Но поезд заблудился среди стрелок и завозит куда-то в окрестности окрестностей города. Приходится, взяв вещи, идти по дороге к городу. Вечереет. Все как-то гравюрно. Желтые цепи огней. Говорю ей о странной графитности. Смутно я уже подозреваю слишком обобщенную — из глаз, а не в глаза — природу в несуществовании. Но любимая: “Это туман *London particular*. Ничего, дойдем”. Ударяю (случайно) носком в куст: сначала клубок пыли, а потом и он точечками пыльцы в ничто. Странная тоска: не дойдем; раньше что-то произойдет. Ставлю на шоссе чемодан и говорю: “Мне кажется, я сейчас проснусь”. Она: “А как же я? Вы уйдете в явь, а я?” Она удерживает меня за руку, вижу слезы на ее глазах, но я уже не могу: прилег головой на ее руки, сон агонизирует во мне, смутно вижу удаляющийся образ подруги и... умираю в явь»; Возвращение Мюнхгаузена // Т. 2, 235: «Всякий джентльмен обязан признать действительность действительной, иначе он... ну, не знаю, как сказать... ведь эти стены, улицы, Лондон, земля, мир — не пепел, который я вот страхиваю ударом пальца с сигары».

³⁴ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке (1922) // Белый 1995а, 147: «Закрученный вихрями петербургского хоровода дней...».

лей»), вихри трубят в рога³⁵. В метафизическом плане Белый предпочитает именовать «вихревой» текучесть феноменального мира, а потому говорит о «текущем вихре Гераклита»³⁶. Вихри веков и времени (феноменов) противопоставляются вечности³⁷. Космические вихри застывают в «спиралях планет» и строении цветка³⁸. «Вихри всемирной истории» несут угрозы³⁹. Белый цитирует тютчевскую строку: «Судьба, как вихрь, людей метет»⁴⁰. Не случайно, первая глава воспоминаний «Между двух революций» названа Белым «Из вихря в вихрь». Но видения, порождаемые вихревыми столбами, пляской пыли или снега, подчас становятся маревом, они иллюзорны и полны кажимости⁴¹. Не случайно, Белый цити-

³⁵ На горах (1903) // Белый 1994, 68: «вихрь метельно-серебряных бурь»; Созидатель (1904) // Белый 1994, 226: «Стройной рифмой преисполни / Вихрей пьяные рога».

³⁶ Эмблематика смысла (1909) // Белый 2010, 73. Ср.: Мастерство Гоголя (1934) // Белый 2013, 8: «Гоголь — гераклитианец, охваченный огненным *вихрем*, в котором таки сторел и он»; История становления самосознающей души. Т. 2. Непереработанная рукопись (1926) // Белый 2020, 133: «он любил Гераклита, философа пламени, катастрофизма и вихрей».

³⁷ Вечный зов (1903) // Белый 1994, 28: «И сквозь вихрь непрерывных веков»; Старинный друг (1903) // Белый 1994, 78: «Число столетий в безднах роковое / бесследным вихрем в Вечность пролетело»; Искуситель (1908) // Белый 1994, 248: «Несущий мне и вихрь видений, / И бездны изначальной синь».

³⁸ Начало века. Берлинская редакция (1923) // Белый 2014а, 751: «в каждом цветке — отображение вихрей вселенной; спирали листов у цветов соответствуют явно спиралям планет, пролетающим с солнцем по космосу и чертящим круги вокруг солнца; так: каждый цветок связан с космосом, связан с планетою (той или этой)».

³⁹ Трилогия [Мережковского] (1906) // Белый 2012, 315.

⁴⁰ Ритм как диалектика и «Медный всадник» (1928) // Белый 2014б, 113: «могучий вихрь людей метет».

⁴¹ Апокалипсис в русской поэзии (1905) // Белый 2012, 479-480: «Грозно вырос призрак монгольского нашествия. Над европейским человечеством пронесся вихрь, взметнул тучи пыли. И стал красен свет, занавешенный пылью: точно начался мировой пожар. <...> Вихрь, поднявшийся в современной России, взметнувший пыль, должен неминуемо создать призрак красного ужаса — облака дыма и огня. <...> Призрачен красный дракон, несущийся на нас с Востока: это туманные облака, а не действительность; и войны вовсе нет: она — порождение нашего больно-

рует из А. Блока строки о «вихрях видений»⁴². У Блока же Белый выделяет строки, в которых страшный мир приравнивается к пустоте, мраку, ничто, заверчивается в космическом безумии: «Миры летят. Года летят. Пустая / Вселенная...» (1912)⁴³, «Все... чернее сгущается свет, / И все безумней вихрь планет» (1910–14). Цитируя, Белый здесь же предлагает свою интерпретацию, напоминающую то, как описан распадающийся Лондон в «Записках чудака»:

«Во всех вихрях пространство и время, иль формы *a priori* независимые от фактически упраздненного мира; в не существе работает “двигатель” мысли, как в существе; не существе сотворяет здесь “энное” образование миров (мир мечты) — ради скуки; так Брама видит в снах творения»⁴⁴.

«Вихрь» лишает устойчивости: он увлекает и несёт за собой⁴⁵. В «Возврате» (3-ей симфонии) вихрь фигурировал у Белого в контексте физики:

го воображения, внешний символ в борьбе вселенской души с мировым ужасом, символ борьбы наших душ с химерами и гидрами хаоса». Ср.: Мастерство Гоголя (1934) // Белый 2013, 22: «крутить вихри мороков».

⁴² Воспоминания о Блоке (1922) // Белый 1995а, 122: «Встретим новый вихрь видений»; Там же, 124: «И близится вихрь видений».

⁴³ Как и у Белого, в этих строках Блока отразились его тоска и подавленность перед лицом бесконечности физических миров и пространств, делающей ничтожной человеческую личность. Студент-астроном Грааль Арельский (С.С. Петров), с которым А. Блок в ноябре 1911 г. пришел в обсерваторию Народного дома наблюдать в телескоп ночное небо, передает его слова: «Меня почему-то подавляет эта бесконечность миров; она вызывает у меня чувство какой-то мучительной тоски», см. Блок 1980, 92. См. примеч. к этому стихотворению: Блок 1997, 608-609, а также Петров 2016, 291-292.

⁴⁴ Воспоминания о Блоке (1922) // Белый 1995а, 430-431 (= Белый 2014а, 719).

⁴⁵ Здесь опять Белый вспоминает о Блоке, см. Воспоминания о Блоке (1922) // Белый 1995а, 301 (= Белый 2014а, 337): «А.А. и Л.Д. окружали себя будто вихрем веселья; но скоро заметил я, что этот вихрь их несет неизвестно куда, что они отделились ему; и несет этот вихрь их не вместе; Л.Д. улетает на вихре веселья от жизни с А.А.; и А.А. летит прочь от нее; я заметил, они — разлетаются, собираясь за чайным столом, за обедом; и — вновь разлетаются».

«Физик кричал, походя на огромного крабба: “Радиоактивные вещества уничтожают электрическую силу. Они вызывают нарывы на теле. <...> Времени нет. Время — интенсивность. Причинность — форма энергетического процесса”. И неслось, и неслось: вихрь миров, бег созвездий увлекал <...> в великую неизвестность. Все кружилось и вертелось»⁴⁶.

А картина, изображенная в ранней статье «Священные цвета» (1903), очень напоминает таковую из лондонских главок «Записок чудака»:

Реальное действие зла <...> заключается в возведении к сущности отношения без относящихся. Такое отношение — нуль, машина, созданная из вихрей пыли и пепла, крутящаяся неизвестно зачем и почему. <...> Мир является ненужной картиной, где все бегут <...>, в ненужном порыве вскакивают на конки — ну совсем как в городах. Казалось бы, единственное бегство — в себя. Но “Я” <...> оказывается только черной пропастью, куда вторично врываются пыльные вихри. <...> Чувствуешь, как вечно проваливаешься — со всеми призраками, призрак со всеми нулями нуль. <...> Так что мир приближается к нулю, и уже нуль, — а конки плетутся; за ним бегут эти повитые бледностью нули в шляпах и картузах. Хочется крикнуть: “Очнитесь!.. Что за нескладаица?” <...> Нелепость растет, мстя за попытку проснуться. Вспоминаешь Ницше: “*Пустыня растет: горе тому, в ком таятся пустыни*”⁴⁷ — и что-то омерзительное охватывает сердце. Это и есть чорт — серая пыль, оседающая на всем⁴⁸.

Атомный вихрь

Превалирующей особенностью лондонских глав «Записок чудака» является мотив распада мира в атомных вихрях — тема, заимствованная из физики викторианской эпохи. Уже Майкл Фарадей (1791–1867) отдавал предпочтение теории Руджера Иосипа Бошковича (1711–1787), считавшего атом не мельчайшей частицей твердого вещества, а нематериальным центром сил⁴⁹. Уильям

⁴⁶ Возврат (III Симфония) (1904) // Белый 2014с, 173-174.

⁴⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Пер. Д. Борзаковского, под ред. Арс. Введенского // Ницше 1900, 336.

⁴⁸ Священные цвета (1903) // Белый 2012, 91-92.

⁴⁹ О влиянии теории «силы» Бошковича на Ницше, см.: Петров 2015b, 808-809.

Томсон, барон Кельвин (1824–1907) представил атом в виде нематериального вихря эфира⁵⁰ (позже его теорию модернизировал Джозеф Томсон, 1856–1940). Их работы Андрей Белый изучал в Московском университете, где его наставником был Николай Алексеевич Умов (1846–1915). Непосредственным источником учения У. Томсона о вихревом атоме была теория Г. Гельмгольца (1821–1894), развившего концепцию устойчивых вихрей в идеальных (невязких) жидкостях⁵¹. Что касается философского и космологического измерения, то сам У. Томсон цитировал рассуждения о малых вихрях Н. Мальбранша⁵², а тот, в свою очередь, обсуждает

---

⁵⁰ Томсон В. О вихревых атомах // Томсон 1867, 65-77; Thomson W. On Vortex Atoms // Thomson 1867, 94-105. Схожим образом Чарльз Хинтон предположил, что электрический ток и его поле суть проявление движения четырехмерного вихря эфира: Hinton 1901, 17-18, 83-84; Хинтон 1915, 21-22, 97.

⁵¹ Гельмгольц 1902. Ср.: О границах психологии (1910) // Белый 2010, 341: «Гельмгольц написал замечательный труд по гидродинамике “Über Integrale der hydrodynamischen Gleichungen, welche den Wirbelbewegungen entsprechen” [“Об интегралах уравнений гидродинамики, соответствующих вихревым движениям”, 1858]; здесь развивает он свою теорию о вихревом движении жидкости; по Гельмгольцу, жидкую массу в движении можно представлять как наполненную вихревыми шнурами; мысль о неразрушаемости вихревых колец привела В. Томсона к мысли о вихревых атомах; формулы, заключающие в себе принцип сохранения вихрей, были найдены Коши в 1815 году; гидродинамические исследования Г. определили научное развитие мыслей Кирхгофа».

⁵² Томсон, Вильям (лорд Кельвин). Шаги к кинетической теории материи (1884) // Томсон 1895а, 154-155: «В начале прошлого столетия мы находим в *Recherche de la Verité* (“Отыскание истины”) Мальбранша утверждение, что *la dureté des corps* (твердость тел) зависит от *petits tourbillons* (небольших вихрей) <...> Эти слова <...> составляют в высшей степени замечательный шаг вперед на пути к кинетической теории материи». В примечании к этому месту Томсон цитирует Мальбранша в переводе и в оригинале: «Доказательство предположения, мною сделанного, что тонкая или эфирная материя состоит непременно образом из *небольших вихрей*, и что они суть естественные причины всех изменений, которые испытывает материя, я подтверждаю это объяснением самых общих явлений физики, каковы суть: твердость тел, их текучесть, их тяжесть, их легкость, свет, преломление и отражение его лучей» («*Preuve de la supposition que j’ay faite: Que la matière subtile ou éthérée est*

теорию космических звездных вихрей, представленную в сочинениях Декарта⁵³.

В книге «Материя и память. Исследование об отношении тела к духу» (1896) Анри Бергсон ссылаясь на гипотезы Фарадея и У. Томсона. На русском языке эта работа впервые появилась в 1911 г. в переводе постоянно жившей во Франции Александры Васильевны Баулер (1850–1937), а в 1914 г. был опубликован более точный перевод Владимира Александровича Базарова (наст. фам. Руднев, 1874–1939), составивший третий том собрания сочинений Бергсона на русском языке:

«Мы все еще говорим об атомах; атом сохраняет даже свою индивидуальность для изолирующего его разума; но твердость и инертность атомов растворяются или в движениях, или в силовых линиях, взаимная связанность которых возрождает вселенскую непрерывность. К этому выводу неизбежно должны были прийти несмотря на то, что отправлялись от различных пунктов, два физика нашего века, глубже других проникшие в строение материи: Томсон и Фарадей. Для Фарадея⁵⁴ атом есть “центр сил”. Он понимает под этим, что атом, как индивидуальность, представляет математическую точку, где скрещиваются силовые линии, в неопределенно большом числе пронизывающие пространство, реальность которого, собственно, ими и образуется: каждый атом занимает таким образом, употребляя выражение Фарадея, “все то пространство, на которое распространяется его тяготение”, и “все атомы взаимно пронизают друг друга (tous les atomes se pénètrent les uns les autres)”. Томсон⁵⁵, исходя из со-

---

nécessairement composée de *petits tourbillons*; et qu'ils sont les causes naturelles de tous les changements qui arrivent à la matière; ce que je confirme par l'explication des effets les plus généraux de la Physique, tels que sont la dureté des corps, leur fluidité, leur pesanteur, leur légèreté, la lumière et réfraction et réflexion de ses rayons», — Malebranche N. De la Recherche de la Vérité. Éclaircissement XIII, 1712. P. 464.

⁵³ См.: Разыскания истины // Мальбранш 1903, 1906; Цейтлин 1924.

В связи с этим можно сказать, что вихревое звездное небо на картинах Ван Гога является не только открытием его художественного гения, но и визуализацией тысячелетней европейской традиции.

⁵⁴ Faraday 1844, 136-144.

⁵⁵ Thomson 1867, 94-105. Там же Бергсон замечает, что схожая гипотеза была высказана в Graham 1863, 611-623.

вершено иного круга идей, предполагает, что пространство заполнено совершенной жидкостью, непрерывной, однородной и несжимаемой: то, что мы называем атомом, будет лишь неизменной формы кольцевым вихрем в этой жидкости (*un anneau de forme invariable tourbillonnant dans cette continuité*); свойство этого последнего определяются его формой, его существование, а следовательно и его индивидуальность — движением»⁵⁶.

Поскольку о космических вихрях говорила мифология и философия древних греков⁵⁷, можно сказать, что построения Андрея Белого являются не только художественным переосмыслением достижений современной ему науки, но воскрешают архаический пласт европейских мифологем и философских интуиций.

В лондонских главах «Записок чудака» Андрей Белый построил на основе вихревой теории атома целую художественную вселенную. Образы, посредством которых Белый изображает Лондон, заимствованы им из специальных и популярных книг по физике, написанных Уильямом Томсоном, Оливером Лоджем, Николаем Алексеевичем Умовым и др. Метафорику атомных вихрей Белый распространяет далеко за пределы собственно физики⁵⁸. Столица Британской империи, империи, мнящей себя центром мира, предстает перед читателем в образе атомного вихря; пузыря, который готов лопнуть; в виде пустоты и ничто.

Белый вспоминает, как еще Демокрит считал, что мир состоит из пустоты и атомов. А атомная физика в лице Уильяма Томсона увидела, что и атом является всего лишь *завихрением пустоты*. Мириады крохотных вихрей возникают и распадаются, и этот рой «крутней» и завихрений представляется наблюдателю твердыми телами, тогда как на деле в основе всего лежит пустота.

Лондон характеризуется в «Записках чудака» как «темнейший туннель»⁵⁹, как «призрачный город»⁶⁰. Ночной Лондон, сравнивает-

---

⁵⁶ Бергсон 1914, 200; Бергсон 1911, 216.

⁵⁷ Bonnechere & Cursaru 2020.

⁵⁸ Kragh 2002.

⁵⁹ Записки чудака // Белый 1922b, 13; Белый 1921a, 56: «темнейший туннель, по середине которого призрачный свет озаряет громовые говоры тысячей призрачных силуэтов».

⁶⁰ Записки чудака // Белый 1922b, 14; Белый 1921a, 66: «Гигантские

ся с гигантским псом⁶¹, которого кусают блохи германских дирижаблей. Пёс оцетинился лучами прожекторов, которые пытаются нащупать их в тёмном небе. Теми же лучами прожекторов Лондон пытается дотянуться до Бога, но обнаруживает там лишь пустоту:

«Средь прямых, световых проницаемых змей, протянувшихся посередине Ничто иль вселенной... гигантские световые лучи, вдруг занесшись, пытались дотянуться до Господа Бога, его осветить... Вместо Господа Бога образовалось ложное солнце — ничто; вероятно лорд Кельвин, соединившись с Лапласом и Кантом — там, там, в мировой пустоте — в это время как раз нас устраивали в капле с маслом ... — теорию Канта-Лапласа⁶² вы помните?».

световые мечи, вдруг занесшись над призрачным Лондоном», «Ночью призрачен Лондон» (разночтение — Белый 1921а, 66: световые *лучи*).

⁶¹ Записки чудака // Белый 1922b, 15; Белый 1921а, 57: «Ночью Лондон — огромный, упавший на землю, оскаленный ужасом пес. Обрастает он мраком, как шерстью; в шерсти же — в упавшем над Лондоном небе — заводятся блохи: прискачет их ярая стая, кусая упавшими бомбами; эти точки, затерянные там, в пространствах тумана, — не блохи, а... цеппелины; и «пес» начинает рычать и искаться в шерсти ослепительными лучами прожекторов; и световые, воздушные зубы-прожекторы — яро кусаются: а высоко- высоко в шерсти переползает «блоха» малой точкой: летит цеппелин: и кусается бомбами, разнося тяжелейшие стены домов; здесь и там, как болячка укусов, зияет провалом на улице неживая развалина дома — не видел я их: но другие их видели».

⁶² Согласно космогонической гипотезе И. Канта солнечная система сформировалась из холодного газопылевого облака посредством гравитационной аккреции и центробежных сил. Позже астроном П. Лаплас предположил, что она возникла в результате отделения от раскаленного протосолнца газовых колец, их охлаждения, конденсации и распада на отдельные сгустки. Обе гипотезы получили название небулярных и ротационных. В 1843 Ж. Плато проделал опыт, который, как полагали, иллюстрирует гипотезу Лапласа. Он поместил в прозрачную колбу смесь воды и спирта, которые немедленно разделились на два слоя, затем влил туда же жидкое масло. Масло собралось в виде шара, плавающего на границе между водой и спиртом. Если проткнуть такой шар палочкой и начать круговые движения, от шара отделятся кольца, которые вскоре распадутся на мелкие шарики, вращающиеся вокруг исходного большого шара. Это напоминает Солнце и кружащие вокруг него планеты.

Лондон предстает призрачным маревом: «мы ... неслись среди тысячей призрачных силуэтов ликующих “мистеров”». Когда Андрея Белого и его спутника Александра Поццо увлѣк на экскурсию по городу некий английский джентльмен, их перемещения тоже описываются в терминах физики:

«Пересекали не Лондон мы, а мировое пространство, в котором случайно сложившийся вихрь лорда Кельвина (Томсона) образовал на мгновение мир, называемый Лондоном: вот он лопнет, а в лопнувшем Лондоне — мировой пустоте — наш пробег с джентльменом, умеющим строить миры по Томсону и атомы по Ньютоу, окажется бегством лукавого Чорта, таки утащившего за собой две души...»

В приведенном отрывке Лондон, олицетворяющий собой целый мир, прямо отождествлен с вихрем, посредством которого Томсон представлял атом. Стихотворной иллюстрацией к картине, изображенной Андреем Белым в «Записках чудака», является написанное в 1924 г. (под влиянием Белого?) стихотворение М. Волошина:

Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяжень струй;
Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых “не” вокруг большого “да”);
Нет плотности, нет веса, нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Всѣ существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь разнообразье форм;
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всѣ
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложенья и распада <...>
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй,

Бессмертья нет, материя конечна.
Число миров исчерпано давно⁶³.

Вортицизм

Художественно-философские построения Андрея Белого, отталкивавшиеся от новейших физических теорий, находят параллель в интеллектуальной среде английского авангарда. Перебравшийся в Лондон американец Эзра Паунд предложил группе своих единомышленников назвать «вортицизмом» (от слова vortex, вихрь) новое художественное течение, призванное стать британским ответом итальянскому футуризму и французскому кубизму⁶⁴. За месяц до начала мировой войны «вортицисты» основали журнал «Blast» («Взрыв» / «Проклятье»), имевший подзаголовок: «*The Review of the Great English Vortex*» («Обозрение великого английского Вихря»). Во втором, «военном» номере, вышедшем год спустя, журнал дополнительно определяется как «*The Review of the London Vortex*» («Обозрение лондонского вихря», р. 7). Первый выпуск журнала содержал «манифесты вортекса», написанные Уиндемом Льюисом, Эзрой Паундом и скульптором Анри Годье-Бжешкой⁶⁵.

В лексиконе Паунда термин «вихрь», приложенный к Лондону, появляется в 1913 году: в письме к Уильяму Карлосу Уильямсу поэт называет Лондон Вихрем (the Vortex). В другом письме Паунд именуется «вихрем» результат творческой деятельности, говоря, что «энергия зависит от способности человека создавать вихрь, т.е. от его творческого духа (genius)». Откуда взялся этот термин? Источник его тот же, что у Андрея Белого, научные теории Германа фон Гельмгольца и Уильяма Томсона.

Предложенная Паундом концепция «вихря», казавшаяся новшеством в сфере искусства, к тому времени уже прочно утвердилась в викторианской науке, как в специальной, так и популярной. Более того, она занимала в ней центральное место. В 1858 году Гемгольц опубликовал статью «О движении вихря» (*Über Wirbelbewegungen*)⁶⁶, в которой рассматривал движение идеальных

⁶³ Волошин М. Космос (1924) // Волошин 2004, 49-50.

⁶⁴ Применительно к предыстории вортицизма я опираюсь на материалы исследования Pfannkuchen 2005.

⁶⁵ Много позже Уиндем Льюис заявит: «Вортицизм. Это название изобрел Эзра Паунд... Не имею понятия, что значит это слово».

⁶⁶ См. Гельмгольц 1902.

жидкостей, лишенных трения и потенциала скорости⁶⁷. Вихрь, возникший в такой жидкости, будет вращаться непрерывно и вечно, тогда как части жидкости вне вихря никак его движением не затрагиваются. Выдвинутая Гельмгольцем концепция вихрей в идеальной жидкости, которые пребывают в ней устойчивыми и неразрушимыми, как твердые тела, привлекла внимание Уильяма Томсона, который положил ее в основу своей модели атома, понятого как вихрь, движущийся в эфире. В 1867 г. Томсон писал Гельмгольцу: «если все пространство наполнено совершенной жидкостью, составляющей сущность всего вещества, вихревое кольцо будет столь же устойчиво, как твердые и крепкие атомы, предполагавшиеся у Лукреция и его последователей»⁶⁸. В статье «О вихревых атомах» Томсон постулировал, что «кольца Гельмгольца — это единственные истинные атомы» и что «все тела состоят их вихревых атомов, находящихся в совершенной однородной жидкости» (Thomson 1867, 15-16).

Подобной жидкостью, имевшей свойства идеальной среды, ученые викторианской эпохи считали эфир: например, в 1854 г. У. Томсон публикует работу о плотности межпланетного эфира⁶⁹. В энциклопедической статье «Эфир» от 1875 года Дж.К. Максвелл ссылается на эту статью Томсона, замечая: «С какими бы трудностями мы не столкнулись при выработке непротиворечивой теории устройства эфира, нет сомнений, что межпланетное и межзвездное пространства не являются пустотой, но наполнены материальной субстанцией или телом, которое безусловно является самым большим и, возможно, самым однородным из известных нам тел»⁷⁰.

Вихревая теория атома Уильяма Томсона, порывавшая с идущим от античности пониманием атома как мельчайшего твердого тела, находилась в центре внимания. В статье «Атом» для «Британской энциклопедии» Дж.К. Максвелл начинает с восходящего к античности определения-этимологии греческого слова «ἄτομος»: «Атом... это тело, которое нельзя рассечь пополам», но

---

⁶⁷ Отсутствие потенциала скорости течения означает, что массив жидкости движется как единое тело, части которого неподвижны относительно друг друга.

⁶⁸ Helmholtz und Thomson 1995, 31.

⁶⁹ Thomson 1854, 57-61.

⁷⁰ Maxwell 1878, 572. Cf. Saleeby 1905.

завершает статью подробным анализом теории вихревого атома У. Томсона⁷¹.

Однако наибольшее распространение теория вихревого атома (предполагавшая наличие эфира) получила в околонуучных кругах. Известные ученые Б. Стюарт и П.Г. Тейт, сотрудники Дж. К. Максвелла и У. Томсона, опубликовали книгу «Невидимая вселенная, или Физические теории о будущем состоянии»⁷², в которой разбирали новейшие концепции физики, якобы предлагающие аргументы в пользу религиозных и оккультных взглядов. Под «невидимой вселенной» в работе понималась гипотетическая надэфирная область тонкой материи и духовных тел. При этом центральное место в книге уделено вихревой теории атома. Книга стала такой популярной, что Максвелл был вынужден упомянуть ее в энциклопедической статье об эфире, оговорившись, что выводы, предложенные в книге, выходят за сферу компетенций естественных наук.

Эзра Паунд, который полагал, что художник должен не только соединять в своем творчестве различные искусства, но инкорпорировать в них достижения науки, философии и прочей учености, скорее всего, был знаком с перечисленными выше теориями вихревого атома и эфира. В частности, на это указывает используемая им терминология. К примеру, Паунд пишет: «Нас окружает вселенная силы флюида (fluid force)», «в области силы флюида, один вид вибраций создает при разных интенсивностях тепло и свет», «искусство это флюид, текущий над и поверх людских умов».

Тем не менее, в присущей ему манере, Паунд нигде не говорит прямо об источниках своей концепции «вихря», полагая, что совершенный символ и так воздействует своей образной силой на всех, но «открывается только знающим». В «Мудрости поэзии» Паунд писал: «для посвященных знаки — это двери в вечность и безграничный эфир».

Андрей Белый мог слышать о *вортицистах* и в России: в 1915 г. о них написала Зинаида Венгерова⁷³. А в 1917 г. журнал «Аполлон»⁷⁴ перепечатал из лондонского журнала «The Egoist»

⁷¹ Maxwell 1875, 36-49.

⁷² [Stewart B., P.G. Tait]. The Unseen Universe, 1875. Подробный разбор этой работы дал Clifford 1875.

⁷³ Венгерова З. Английские футуристы // Венгерова 1915, 91-104.

⁷⁴ Cournot, John. Смерть футуризма // Аполлон. 1917. № 8-10, 30;

полемическую статью Джона Курноса, осудившего милитаризм вортицистов⁷⁵. Как бы то ни было, в противоположность Андрею Белому, для которого в тот период признание атома вихрем было равносильно уничтожению материального мира, вортицисты трактовали вихрь, *вортекс*, как динамический сгусток творческой энергии⁷⁶. *Вортекс* символизировал для них волю к власти⁷⁷.

Энтропия

Почему именно Лондон ассоциируется у Андрея Белого с физикой? Скорее всего потому, что большинство ведущих физиков того времени были британцами. Здесь стоит отметить, что особенностью викторианской физики был ее имперский характер, проявлявшийся в притязаниях на способность познать и объяснить весь мир⁷⁸. И Белый тонко чувствовал это: в лондонских главах тема

Cournos, John. The Death of Futurism // The Egoist. 1917. IV. 1, 6-7.

⁷⁵ Джон Курнос (Иван Григорьевич Коршун, 1881–1966), родился в Житомире, в 1891 г. его семья эмигрировала в Филадельфию (США), а в 1912 г. Курнос переехал в Лондон, где проявил себя как поэт, писатель, переводчик русской литературы. В начале октября 1917 г. он приехал в Петроград в составе Англо-русской комиссии — подразделения министерства иностранных дел Великобритании, занимавшегося пропагандой и разведкой. Курнос переводил А. Ремизова и Ф. Сологуба, а в 1959 г. перевел «Петербург» Андрея Белого. О нем: Smith 2012, 189-200; Турта 2012, 99-106; Smith 2013, 75-96; Ушакова 2017, 335-362; Smith 2017, 24-47.

⁷⁶ Манифесты вортицистов Уиндема Льюиса, Эзры Паунда, Анри Годье-Бжески из журнала Blast № 1 и 2(1914-1915), а также эссе Эзры Паунда «Вортицизм» из The Fortnightly Review (1914) см. в ТРА 2018, 115-181.

⁷⁷ Ср.: Gaudier Brzeska H. Vortex // Blast. 1914. № 1 (June 20th). P. 155-158: «*Вортекс* — это энергия! ... Нашим *вортексом* являются воля и сознание... Наша скульптура — *вортекс* воли и решимости» (= Годье-Бржешка, Анри. Вортекс / Пер. с англ. К.К. Чухрукидзе // Годье-Бржешка 1997, 124-131); Pound E. Vortex // Blast. 1914. № 1 (June 20th), 153-154: «Вортекс — это точка максимальной энергии».

⁷⁸ Ср. Pfannkuchen 2005, 61-76: «Объединение эфира и атома [в вихревой теории атома Уильяма Томсона], сразу объяснявшее и макро- и микро-мир, было проявлением воистину имперских притязаний викторианской физики, предлагавшей не просто некую новую теорию атома, но теорию, претендовавшую на свою универсальную приложимость и

британского имперского духа неотрывна от темы физики вихревого атома.

Проиллюстрирую превращение теорий физики в художественные метафоры «лондонских глав» несколькими примерами. Андрей Белый описывает Лондон сначала вечерним, затем ночным, а потом утренним. При этом он изображает его в терминах физики: упоминаются атомы, радиация, Томсон, Ньютон, закон сохранения энергии и энтропии. Более того, в этой главе Андрей Белый вспоминает физика Н.А. Умова. Умов был коллегой Н.В. Бугаева и другом семьи: Умов качал на колене маленького Борю, его просили присмотреть за ребенком, когда пришлось отлучиться матери, позднее он был университетским преподавателем Бориса⁷⁹. Характерная деталь: упомянутые выше темы и понятия атомной физики из «лондонских» глав «Записок чудака», как кажется, заимствованы из статьи Н.А. Умова «Эволюция атома» (1905). Именно там Умов иллюстрирует идею возрастания и убывания энтропии картиной перемещений городских жителей:

«В начале нашей беседы я сравнил наблюдаемую нами жизнь мира с уличной жизнью большого города. Такая жизнь имеет свой максимум и минимум энтропии. Количество рассеянной энергии растёт до вечера, когда склоняется к горизонту наше светило; минимум энтропии наступает утром, когда ясное солнце подымается над нами»⁸⁰.

Придуманная Умовым иллюстрация процессов возрастания и убывания энтропии (меры беспорядка в системе), чья величина коррелирует с поведением горожан, то спящих по улицам большого города днем, то закрывающихся по домам ночью, буквально повторена Андреем Белым в «Записках чудака».

авторитет. В конце XIX столетия непререкаемая репутация английской науки вообще, и викторианской физики в частности, в большой мере базировались на её не знающей границ претензии быть способной объяснить все фундаментальные взаимосвязи физического мира. По своим амбициям вихревая теория атома могла легко соперничать с властным притязанием Британской империи на знание своих колониальных владений и правление ими».

⁷⁹ О теориях Н.А. Умова и его роли в жизни Андрея Белого см.: Петров 2018а, 349, 356-360.

⁸⁰ Умов Н.А. Эволюция атома // Умов 1905, 26.

В статье «Эволюция атома» Умов сравнивает теории относительно природы светового излучения: согласно Гюйгенсу, свет имеет волновую природу и представляет собой колебание эфира, согласно Ньютону, луч света представляет собой летящие частицы материи. Умов обсуждает обе теории применительно к закону роста энтропии. По Гюйгенсу, энергия света должна рассеиваться по мере распространения волны через эфир, а по Ньютону, луч света, как поток материальных корпускул, сохраняет всю энергию, не рассеивая ее в пустоте пространства. Возможно, эти рассуждения Умова тоже нашли отклик в тексте Андрея Белого, который пишет, что появление «сера» превратило «*волнообразие* мысли моей... в ряд каких-то *зигзагов*, распавшихся в атомы сэра Ньютона и закружившихся в смутные вихри теории лорда Кельвина о построенье, верней, о *расстройстве* вселенной».

Пост-классическая физика конца XIX века для Андрея Белого — это учение не об *устройстве* мира (классические понятия греческой философии — «космос», «диакосмеза» — буквально означали «упорядоченность», «согласное устройство»), а о *расстройстве* вселенной. Незыблемые атомы Демокрита и Лукреция, эти кирпичики мироздания, в теориях У. Томсона (лорда Кельвина) рассыпались в «вихри».

Подобно Петербургу из одноименного романа, Лондон А. Белого — это желтый город, осаждающийся из тумана, город, оплотневающий из туманов души:

«Лондон <...> расплющил мне сердце, <...> осадился во мне, <...> из меня образовались сначала туманы душевных паров, <...> те пары превратилось в ландшафты тумана в Ламанше <...> Из туманов Ламанша (*в обратном порядке!*) вытекла Темза; и оплотнели берега ее <...> льдами-домами»⁸¹.

«Туман, набегающий из дальней проспекта, <...> распался на атомы: то есть — на тысячи «м и с т е р о в», «п р о с т и т у т о к», «канадских» солдат, <...> относимых <...> в дали проспектов, где все они, затускнев, замутились, плотно слипнувшись в массы, опять становились — легчайшим туманом»⁸².

---

⁸¹ Записки чудака // Белый 1922b, 53; Белый 1921a, 80.

⁸² Записки чудака // Белый 1922b, 16; Белый 1921a, 58.

В этом отрывке «обратный порядок» течения Темзы отсылает к теории Вильгельма Вундта, которую Белый в начале века разделял вместе с Вячеславом Ивановым: пространство души отмечено телеологической причинностью, при которой события движутся в порядке, противоположном тому, что мы видим в физическом мире⁸³.

Город, представленный Андреем Белым в романе «Петербург», тоже был призрачным. Но неотъемлемой характеристикой Лондона в «Записках чудака» является еще и «туман». «Лондонский туман» — это не только литературный штамп, и вовсе не привходящая извне дымка, окутывающая лондонские улицы, но сама субстанция города. Если справедливо предположение о том, что одним из источников Андрея Белого здесь является статья Н.А. Умова «Эволюция атома», то «туман» опять отсылает нас к «электронам» и утверждению, что «материальное» — это лишь волнение и рябь эфира, в котором *«нет и не может быть материи»*⁸⁴. Лондон осаживается из тумана как совокупность электронов в опытах У. Томсона.

В том месте поэмы «Первое свидание» (1921) Андрея Белого, где речь идет о Н.А. Умове, мы встречаем схожий набор имен и терминов — упоминаются Дж.К. Максвелл, М. Складовская-Кюри и ее опыты с радиоактивными элементами, энтропия, «томсоновские вихри», атомные силы, эфир:

И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов.

---

⁸³ Подробнее см. Петров 2018b, 13-65.

⁸⁴ Умов 1905, 23: «При расширении газа, увлажненного водяными парами, образуется туман, если газ, очищенный от пыли, содержал в себе электроны. Этим явлением чрезвычайно остроумно воспользовался J.J. Thomson. Каждый электрон является центром сгущения капельки. По скорости осаждения тумана можно судить о ... количестве ... электронов»; Там же, 24: «Как дымка тумана рассеивается лучом света, так исчезает перед светом науки дуализм материи и эфира. Мы сами, вся природа, являемся как бы построенными из эфира. Материальность со всеми ее признаками является лишь на границах бесконечно разнообразных волнений эфира совершенно так, как мы не видим зеркальной поверхности обширного водоема, пока она не всколышнется и не покроется рябью. В эфире, покоящемся, застывшем, везде одинаково построенном, нет и не может быть материи».

Над мглой космической он пел,
Развив власы и выгнув вью,
Что парадоксами Максвелл
Уничтожает энтропию,
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновские вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт — новый...

— «Мир — взлетит!» —
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи⁸⁵
Невоплощенной гекатомбой;
Я — сын эфира. Человек, —
Свиваю со стези надмирной
Своей порфирию эфирной
За миром мир, за веком век⁸⁶.

Приведенные строки сам Андрей Белый сопроводил пояснением для читателя: «Профессор Умов — профессор физики Московского университета в 900-х годах; Томсон — английский физик, автор теории вихревого строения вселенной».

Демон Максвелла

Англичанин, который навязывается русским путешественникам в провожатые по Лондону, именуется автором «чёртом», что

---

⁸⁵ Ср.: Лодж 1904, 20-21: «Явления самопроизвольной радиоактивности, который впервые были обнаружены [Антуаном] Беккерелем на соединениях урана и тория, а затем были гораздо глубже изучены благодаря блестящим химическим исследованиям супругов Кюри, — исследованиям, завершившимся открытием радия. Сначала предполагалось, что явление радиоактивности состоит в *испускании* некоторого вида X-лучей, или *эфирных толчков*; но затем основу его стали видеть главным образом в *испускании электронов*, которые отрываются от *радиоактивного вещества*».

⁸⁶ Первое свидание, 156-177 // Белый 2006, 31-32.

не случайно. Всё, что происходит с Андреем Белым и Александром Поццо, которых тащит по улицам проворный «сер», — это художественные вариации на тему «демон Максвелла».

В работе, которая была известна Белому в русском переводе, физик Уильям Томсон указывает, что Джеймс Клерк Максвелл придумал в 1867 г. воображаемое существо микроскопических размеров — «демона» — для объяснения механизмов рассеяния энергии, в других терминах — процессов, связанных с ростом *энтропии*. Демон Максвелла отличается «крайней малостью и проворством». В статье, которая могла быть известна Андрею Белому, демон наделен воображаемыми *руками*, кистями рук и пальцами. Это всё, что ему нужно для манипуляций движением отдельных атомов: он может «остановить, ударить, толкнуть или потянуть любой отдельный атом», «в любом направлении»⁸⁷. Схожим образом, в «Записках чудака» Андрея Белого «участливый сер», как и демон Максвелла, толчками обособляет индивидов — разбрасывает их, как «атомы»⁸⁸, в разные стороны:

«Толкая локтями в бока и толкая стальную коленку: он развивал в столь огромную быстроту потенциалы энергии, жившей в нем, что казался источником некой космической бури, радиоактивными токами вылетающей из маленьких глаз: в этой умственной буре, понятия, отделяясь от понятия, начинали, плотнея, крутиться и облекались в образы — «мистеров», отделенных от «мистеров», <...> улетающих точно пыль в отдаленную неопределенность — Ничто».

⁸⁷ Томсон 1895b, 96: «“Демон” Клерка Максвелла представляет собою воображаемое существо, могущее совершать некоторые вполне определенные действия, чисто механические по своему характеру, — существо, придуманное для того, чтобы помочь нам понять “рассеяние энергии” в природе. Он является существом без всяких сверхъестественных свойств и отличается от живых настоящих животных только крайней малостью и проворством. Он может по произволу остановить, ударить, толкнуть или потянуть любой отдельный атом материи и умерить таким образом естественный ход его движения. Одаренный мысленно руками, кистями рук и пальцами, — двух рук и десяти пальцев достаточно... он может толкнуть или потянуть всякий атом в любом направлении».

⁸⁸ Латинское *individuum* (неделимый, индивид) является буквальным переводом греческого слова ἄτομος, (в качестве прилагательного имеющего значение «неделимый», в кач. существительного — «атом»).

Отчего возникает тема радиации? Во-первых, тема атомной физики была неотделима от рассуждений об альфа-, бета- и гамма-излучении. Кроме того, само явление радиоактивности, состоит в том, что *атомы терпят раздробление*. В 32-страничной популярной лекции Лоджа, прочитанной в Оксфорде в 1903 г. и через год переведенной на русский А.И. Бачинским (под редакцией Н.А. Умова), содержится типичный набор терминов: «ускорение, замедление, радиация, Кюри, сэр, демон Максвелла»⁸⁹, — именно тот, что мы встречаем при описании Лондона в «Записках чудака».

Как связаны демон Максвелла и радиация? Общим образом: оба относятся к новейшей физике. Специальным образом: пытаюсь объяснить загадку того, откуда радий берет энергию для своего распада, видимо противоречащего принципу сохранения энергии, «сер Уильям Крукс высказал догадку, что быть может радий каким-либо образом эксплуатирует (наподобие *Максвеллова* демона) наиболее быстрые атомы воздуха»⁹⁰. Знаменательно, что путешествие по Лондону начинается *от двери*, которая открывается, и заканчивается *у двери*, которая закрывается. Это не случайно, ведь демон Максвелла — это страж и оператор *дверцы*, открывающий её для одних атомов, и закрывающий её для других.

Демон тащит Белого и Поццо из мира классических представлений в мир новой науки, где незыблемые атомы превратились в «вихри», материи не стало, осталось только излучение и пустота (межзвездная и межатомная). Идет битва за душу: англичанин таки «утацил за собой две души»⁹¹.

---

⁸⁹ Лодж 1904, 18: «Сильное ускорение или замедление в движении электронов, происходящее, когда они натываются на препятствие, является условием возникновения лучей [Вильгельма] Рентгена»; С. 19: «Чтобы радиации, испускаемые при этом круговращении, были заметны, заряд должен обращаться с чрезвычайной скоростью по весьма малой орбите <...> Материальный атом является сполна или отчасти составленным из электронов, охваченных быстрыми движениями по всем направлениям. Такие колеблющиеся или вращающиеся электроны подвергаются радиальному и тангенциальному ускорению, поэтому они необходимо должны в большей или меньшей степени излучать радиации».

⁹⁰ Лодж 1904, 31.

⁹¹ В романе «Петербург» некие силы также мчали террориста Дудкина через «междупланетные пространства». Примечательно, что этот

*Многоликий «сер»*⁹²

Помимо манипулятора атомами, демон предстает в «Записках чудака» также масоном и тайным агентом⁹³. Тема преследования и слежки проходит через всё творчество Андрея Белого, но в годы войны, — и это подтверждается автобиографическими материалами, — превратилась буквально в манию. С одной стороны, это было вызвано объективной реальностью — вступившие в первую мировую войну страны наводняли вражеские территории своими шпионами, которые пополнили ряды шпииков тайной полиции, следившей за революционерами, антропософами, эмигрантами и прочими подозрительными элементами. Пребывая в антропософской общине Дорнаха, Андрей Белый вращался в среде, в которой были представлены все категории неблагонадежных типов. В частности, находясь там, Белый активно общался с бежавшими из России социалистами-революционерами. Белый вспоминает, как во время поездки в Базель с эсером и антропософом Н.А. Маликовым, некий шпиик

романный эпизод имеет зеркальный эквивалент в автобиографических записках Андрея Белого, в которых автор проецирует схожую ситуацию на себя. См. Петров 2017а, 69-70.

⁹² В «Записках чудака» нет орфографически единого написания слова «сер». При публикации в «Записках мечтателей» (Белый 1921а) написание осциллирует между «сер» и «сёр»: «сер» именуется «сереброголовым» и «серебряным», упоминается в ряду отсылок к серым стенам, серому экрану, серому миру и, вообще, к «серости», что подчеркивает потусторонность и безликость высокопоставленного британского чиновника, тогда как «сёр», заимствованное из процитированной стихотворной строки А. Блока, затем переходит в текст «Записок». Всего в главах «Гавр» — «На Северном море» «сер» встречается 33 раза, «сёр» 50 раз, распределяясь по главам следующим образом: «Гавр» (сёр: 11), «Маркой выше» (сер: 10), «Лондон» (сер: 6), «Фантазмагория» (сер: 15), «Лондонская неделя» (сер: 2; сёр: 27), «На Северном море» (сёр: 12). В двухтомном издании 1922 г. принято единое написание «сэр» (которое проникает даже в строку А. Блока, создавая эксцентричную рифму: «И пес у ног его разлегся на ковер / <...> / Пред Гением Судьбы пора смириться, сэр», см. 1922а, 204).

⁹³ Письмым «сера» в «Записках чудака» выступает уличный филер, «брюнет в котелке», связанный с «эфиром» и астральным штабом сыщиков. Ср.: Белый 1919, 48: «Господин в котелке, выслаемый сёром, старается оклеветать мои действия».

«...крался за мной и Маликовым по безлюдным улицам, когда Маликов завел меня в Базеле к двум русским студентам эс-эрам, заведовавшим русскою библиотечкой... В эти дни черные братства и нити разведок переплелись в моем восприятии»⁹⁴.

В то же время, из автобиографических материалов следует, что 1915 году у Белого обострилась мания преследования, которой он страдал, начиная с 1908 г. (она развилась до стадии галлюцинаций).

Описываемый в «Записках чудака» назойливый провожатый по Лондону держит в руках перчатки, которые представляются Андрею Белому указанием на масонский статус их обладателя⁹⁵. Он несколько раз замечает:

«Эта пара перчаток, напоминающих пару перчаток старинных берейторов, складывалась на протяжении месяцев в ассоциациях памяти в полузабытые ритуалы полузабытых мистерий»⁹⁶.

«Масонская линия» тоже имеет автобиографическую подоплеку. Устроение и ритуалы внутренней школы у Штейнера были практически идентичны масонским и, вероятно, таковыми и явля-

---

⁹⁴ Материал к биографии // Белый 2016, 254.

⁹⁵ Ср.: Афанасьев, Сахаров 2001, 99-100.

⁹⁶ Записки чудака // Белый 1922b, 32; Белый 1921a, 67. Ср.: Там же // Белый 1922b, 20; Белый 1921a, 60: «Пара белейших перчаток... бросилась в мозг, волнообразие мысли моей превратя в ряд каких-то зигзагов, распавшихся в атомы сэра Ньютона и закружившихся в смутные вихри теории лорда Кельвина о построении, верней, о расстройстве вселенной»; Там же // Белый 1922b, 21; Белый 1921a, 61: «В перепуганных взорах товарища, устремленных на пару перчаток, <...> произошло что-то странное: <...> волнообразие мыслей его, вероятно, расстроилось, потому что из глаз полетели его лишь зигзаги и атомы сэра Ньютона, бестактно крутясь в томсоновых вихрях расстройства вселенной, образовавшихся под черепною коробкою»; Там же. // Белый 1922b, 24; Белый 1921a, 62-63: «В перепуганных взорах товарища, устремленных на палец перчатки, единственной — где другая? — <...> праздно летали зигзаги распавшихся мыслей вселенной, теперь упраздненных под черепною коробкой его»; Там же. // Белый 1922b, 32-33; Белый 1921a, 67: «Стоял перед дверью: — и пара белейших перчаток <...> при прощании бросилась в мозг (их держал он в руке). <...> Я посмотрел на товарища: <...>

— “Что же это?”

— “Не спрашивай лучше: молчи!”».

лись (Белый описывает ритуалы, которые ему мерещились: в них Штейнер производил над ним некие ритуалы, посвящая в таинства)⁹⁷. Сам Белый неоднократно именуется антропософские собрания «ложей». Таким образом, *дверь*, начинающая и завершающая путешествие по Лондону, является также *воротами* посвящения в некое бесовское таинство, участие в котором истощает автора: «на себя посмотрел я — о, Господи: неприлично уставилась на меня голова полутрупа огромною синевой провалившихся глаз». В мифопоэтике Белого, огромность глаз — отличительная черта духовидца. Применительно к первой встрече с Маликовым в Дорнахе он вспоминал:

«Баронесса фон Эккартштейн должна была приготовить эскиз огромной головы Человека, ведомого к посвящению; она несколько раз приводила меня в свою мастерскую и копировала мои глаза; “глаза” для Посвящаемого»⁹⁸.

Применительно к описываемому периоду тема шпионажа, масонства и мирового заговора буржуазии вновь поднимается Андреем Белым в 1933 г.:

«Ликиардопуло <...> выплыл в прессу, где на весь мир прогремел: поездкою по Германии (во время войны)⁹⁹ <...> Ликиардопуло я уже тогда раскусил <...> Передо мною взвился занавес, за которым вперилась горгона, камня все мое существо: ка-пи-та-лизм! <...> В созерцании этого зрелища я и стал “мистиком”, ибо я пережил свой полон как “мистический” заговор неведомых “окультистов”, отравляющих своей эманацией всё

⁹⁷ Петров 2017а, 69-70.

⁹⁸ Материал к биографии. Июнь 1914 // Белый 2016, 169. Голубые глаза Андрея Белого отмечены многими современниками. Не случайно стихотворная эпитафия, посвященная Белому Осипом Манделштамом, открывается строкой «Голубые глаза и горячая лобная кость...».

⁹⁹ Михаил Фёдорович Ликиардопуло (наст. фамилия Попандопуло; 1883–1925) — литературный критик, переводчик О. Уайльда, секретарь редакции журнала «Весь», секретарь Московского художественного театра. Работал на русскую разведку: в 1915–16 гг. под видом греческого купца ездил по Германии, собирая сведения для Главного штаба Российской империи. Дружил с британским генконсулом в России Робертом Локкартом, который упоминает Ликиардопуло в мемуарах. Вероятно, работал на британскую разведку против советской власти. В 1919 г. эмигрировал в Англию.

<...> Мне виделся заговор <...> Мысль о тайных организациях во мне оживала; <...> заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; <...> но попробуй заговорить в те года о масонстве, как темной силе, с кадетами? В лучшем случае получил бы я «дурака»: какие такие масоны? Их — нет. <...> Теперь, из 1933 г., — все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов, мрачивший Москву арлекинадой “Кружка”, т.е. люди, с которыми мне приходилось встречаться тогда или позднее, оказались реальными деятелями моих бредень, хотя, вероятно, играли в них жалкую, пассивную роль; теперь обнаружено документами: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне; припахи кухни и чувствовал, переживая их как “окультиный” феномен¹⁰⁰.

В какую же тайну посвящает путников чёрт? Очевидно, тайна состоит в том, что монументальная надёжность Лондона, особняки которого «прочны, как самосознающая душа»¹⁰¹, — всего лишь видимость. На деле же всё — только кажимость: лондонский мир, а значит, и мир вообще, — пустота и Ничто. Нет никакого Лондона, есть только марево, притворяющееся благообразием, *окаменевающее из туманов* плоскостями домов. Реальность — всё та же мозговая игра, некогда описанная в романе «Петербург».

Для пребывавшего в глубокой депрессии Андрея Белого, вихревая теория атома означала распад прочного мира. Лишь во второй половине 1920-х Белый смог спиритуалистически переосмыс-

---

¹⁰⁰ Белый 1933, 315-316. Читая эту антимасонскую тираду 1933 года следует помнить, что в 1905–1915 гг. сам Андрей Белый и многие близкие ему люди были масонами. См. Серков 2001, 1141: «Москва. Ложя Люцифер». Открыта «московским центром», то есть, вероятно, розенкрейцерским капитулом [Астрей]. Вскоре после открытия закрыта за связь с антропософами. 1) Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич). Член ложи. 2) Брюсов Валерий Яковлевич. Член ложи. 3) Иванов Вячеслав Иванович. Член ложи. 4) Петровский Алексей Сергеевич. Член ложи».

¹⁰¹ Согласно Белому, самосознающая душа является «крепкой». Чёрт, который тащит гостей по Лондону, тоже обособлен «в стойкость себя сознающей души». Устойчивость души — античное предстание: греки именовали такую душу «квадратной» (у Симонида, Платона и Аристотеля «квадратный», *τετράγωνος*, было синонимом «устойчивый, добродетельный»). Подробнее см.: Петров 2008, 50.

лить факт вихревой природы материи, и разработать антропософскую теорию так называемого «солнечного атома»¹⁰².

Андрей Белый подытоживает недельную беготню по Лондону опять-таки в терминах физики:

«Энергия кинетическая нашей жизни здесь, в Лондоне, перевесила потенциалы воспоминаний о Дорнахе, разредив их в энергию действий, которую развивали в английских участках с товарищем мы; <...> после Лондона мы себя ощутили с товарищем охлажденными: <...> кусок твердого льда ощущаю в себе и доселе; его я привез из туманного Альбиона: британец искусными действиями положил в меня лед»¹⁰³.

«Расплющивание»

Потеря энергии, изможденность, вымотанность — определяя свое физическое и психическое состояние, Андрей Белый пользуется весьма необычной метафорой. Он говорит, что Лондон «расплющил» его. Как понять это необычное определение?

В первую очередь речь идет о комплексе неполноценности, которую остро переживал автор, потерпевший крах в личной жизни, оборвавший свою жизнь в антропософской общине, оказавшийся в чужой стране без средств и без прав, столкнувшийся с надменными бюрократами Пермит-офиса. В первой из трех «лондонских» главок британская столица предстает как исключительно надменный, богатый, буржуазный город. Хотя автор знает, что перед ним только внешний, материальный и фальшивый фасад Лондона, который есть лишь сгущение и окаменелость тумана, Лондон всё равно подавляет его. Вестминстерское аббат-

¹⁰² Петров 2018а, 349-390.

¹⁰³ Андрей Белый не единственный, кто обращался к терминам физики. Английский писатель Артур Рэнсом (1884–1967) пытался провести различие между кинетической и потенциальной речью, см. Ransome 1913, 207-225. Между прочим, в 1913 г. Рэнсом приехал в Россию, где во время первой мировой войны работал корреспондентом «The Daily News» на восточном фронте. После революции 1917 г. он сблизился с большевиками (Лениным, Троцким, Радеком), его женой стала Евгения Шелепина (впоследствии секретарь Троцкого). А. Рэнсом поддерживал контакты с британскими и эстонскими спецслужбами, а Евгения, вероятно, работала с советской разведкой. Это не помешало паре вернуться в Британию, где они прожили до самой смерти.

ство, квартал Британского музея с фешенебельными особняками похожи на важных джентльменов в смокингах, курящих сигары. Даже если они принадлежат «купцу из Йоркшира», они напоминают о британских премьер-министрах Гладстоне (1864–1894) и Ллойд Джордже (1916–1922). Особняки словно бы говорят Белому строкой из Блока: «Пора смириться, сёр!» Респектабельный Лондон презирает Белого, и тот чувствует себя ничтожеством, покорно превращается в ничто. Даже поля шляпы швейцарского фасона выдают, что Белый здесь чужак и не принадлежит к обществу благородных лондонцев (он не «сер» и не джентльмен). Он — простолоудин, один из уличных прохожих («мистер», слоняющийся на Пикадилли среди «томми и дамочек»).

Ощущение униженности своего лондонского статуса и своей незащитности перед респектабельными британскими чиновниками у Белого ассоциируется с переходом от полноценного трехмерного бытия к двумерному. Этот мотив присутствует уже в романе «Петербург», где социальные низы, перетекающие, подобно туману, с Васильевского острова на Невский проспект, воспринимаются «трехмерными» представителями высших сословий как «двумерные» и «плоские». В «Записках чудака» лондонцы низших сословий тоже кажутся автору двумерными тенями:

«— “Смотрите-ка: видите — движутся “мистеры”. Но — их, нет: лишь отсутствие мистеров. — Контуры их — перед вами; и собственно: лишь один только контур, воспроизведенный ротационной машиною в невероятном количестве”.

— “Эти мистеры только кажутся множеством; мистеров — нет: есть один — сплошной мистер, заполнивший промежутки междуатомных пустот”...

— “И его называют эфиром”...

— “Но физик Планк, уничтожив эфир, доказал, что “сплошной мистер” — ноль”... <...>

— Так мистеры, индивидуально отдельные, обведенные друг от друга во внешнем и внутреннем мире очертанным кругом, изображали собою лишь

точку

иль

а —

— том:

— ноль!..»¹⁰⁴.

«Маленькому человеку» отказано в индивидуальности. Всё множество простолюдинов — это единственная фигурка, размноженная на ротапринте. В эпоху технической воспроизводимости, если воспользоваться определением Вальтера Беньямина, не существует ни внутренней, ни внешней самобытности. Также, как сенатор Аблеухов в «Петербурге» создавал движением мыслей теневидные существования, так в Лондоне взгляд начальственного «сера» низводит «русского писателя» до тени, до плоской фотокарточки в паспорте:

«Сёр созидал кругозор своей <...> мысли вокруг себя роем теней: неприятнейших “мистеров” <...>; и ими — гонялся за мною по всем перекресткам. А я — почитатель Джордано, и русский писатель <...> осаждал кругозор силлогизмов “психологических” сёров видом фотографической карточки, приклеенной к документу: на ней — лихорадочный взгляд <...> глаз, окруженных провалами, создавал впечатление, что носитель приложенной карточки есть — тот — самый!»¹⁰⁵.

В 1933 г. Андрей Белый так определит метафизически-мистического лондонского «сера»:

«Вот в чем коренилась моя тогдашняя мистика: из испуга перед незримою гадиной. Переживания, напоминающие заблуждение, долго жили во мне <...>: имажинацией некоего мирового мерзавца, впоследствии пережитого, как образ мне неизвестного миллиардера, непременно масона; я его описывал так:

“Прибыв из достойного дома, стоящего в Великолепном Квартале, обставленном привилегиями конституционного строя, <...> где строгие слуги конфузились, прижимаясь к стенам, когда старый, пробритый, румяный, породистый сер, — сереброголовый, тяжелый, таящий в глазах [голубых]¹⁰⁶ глубину, под влиянием которой... рассыпались прахом [пустейшие]¹⁰⁷ земли, не находящиеся под покрови-

---

¹⁰⁴ Записки чудака // Белый 1922b, 42-43; Белый 1921a, 73-74.

¹⁰⁵ Записки чудака // Белый 1922b, 50-51; Белый 1921a, 79.

¹⁰⁶ Слово добавлено при цитировании в 1933 г.

¹⁰⁷ Слово опущено при цитировании в 1933 г.

тельством Старого Британского Льва, — <...> располагался на комфортабельном кресле, роняя глаза на бумагу <...> и на приложенный мной проклеянный, истрепанный паспорт...” <...>¹⁰⁸.

‘Сёр’ этот — “ставши серым, блиставшим мерзавцем, <...> глазами своими хотел изомститься” <...>¹⁰⁹.

“Господин в котелке, высылаемый сёром, старается оклеветать мои действия... Бытие мое есть неприличнейший крик перед жизнью, уже обреченной на гибель... Они ненавидят меня...; их мечи — клевета и инфекция моих состояний сознания ядами <...>”¹¹⁰.

В таких болезненных образах передо мною встала химера ужасного сёра, повара войны, меня ненавидящего»¹¹¹.

И себя самого Белый тоже ощущает «расплющенным»: «тело мое не имеет уже подходящих измерений; одно из них вдавлено: два другие остались... Я внепространственно переселился на плоскость и неприлично прогуливаюсь на сероватом экране». Он сравнивает свою бытийную двумерность также с последовательностью кадров на киноплёнке. Собственное существование представляется ему двумерной проекцией этой киноплёнки на некий экран. Эту демонстрацию отсматривают враждебные высшие астральные силы, дирижирующие спектаклем мировой истории:

«И я был расплющен: казалось — тело мое не имеет уже подходящих измерений; одно из них вдавлено; два другие остались, но что из того, коли я вне-пространственно переселился в плоскость и неприлично прогуливаюсь на сероватом экране, смущая и выдавая себя перед ними огромною синевой провалившихся глаз.

Мы — картина кинематографической ленты, которую так внимательно изучают о н и; остановись она, — и застыну навеки в испуганной деланной позе, вдруг схваченный этой властной рукой и увлеченный в потоки космической бури — томсоновых вихрей! — там строящей эфемерные фронты друга друга губящих людей, и воздвигающих здесь предо мной того

---

¹⁰⁸ Записки чудака // Белый 1922b, 36; Белый 1921a, 69-70.

¹⁰⁹ Маски // Белый 1930, 316-317.

¹¹⁰ Записки чудака // Белый 1922a, 78; Белый 1919, 48-49.

¹¹¹ Между двух революций // Белый 1933, 316-317.

сера, огромные площади, тысячей мистеров, “Томми”, канадцев и “дамочек”»¹¹².

Андрей Белый хочет сказать, что для трехмерных наблюдателей жизнь двумерных существ предстает как на ладони. Стены и крыши двумерного мира проницаемы для взоров трехмерных наблюдателей, плоские существа ничего не могут утаить от них. Так соединяются в «Записках чудака» темы многомерных миров и шпионажа. Высшие существа видят всё!

Можно сказать, что Белый отправляется в путешествие из Дорнаха «четырёхмерным» (духовным существом), но постепенно утрачивает свое бытие, развоплощаясь с пересечением очередной государственной границы.

Метагеометрия Мережковского

В «Записок чудака» Андрея Белого прилагательное «сплюснутый / расплющенный», как характеристика выпавшего в пространство меньшего количества измерений субъекта, встречается 7 раз. Свое «расплющивание» автор облекает в образность, заимствованную из науки и философии, интерпретируя «расплющенность» как уменьшение числа пространственных измерений. Тема многомерных пространств проходит через всё творчество Андрея Белого, который не раз ее использовал¹¹³. Однако применительно к термину «расплющивание», понимаемому как уменьшение числа пространственных измерений, Андрей Белый не оригинален. Его источником здесь являются сочинения Д.С. Мережковского, на которого он не ссылается (после революции это было невозможно). В своих работах Мережковский толковал увеличение числа измерений как движение в сторону большей свободы. Напротив, уменьшение числа пространственных геометрических координат неявно трактуется Мережковским, как ограничение сферы духовной свободы и усиление зависимости от материальных обстоятельств¹¹⁴. Соответствующий трансфер также характеризуется в терминах «возрастания пошлости». Пейоративная характеристика мира двух измерений как «расплющенного» в сравнении с миром

---

¹¹² Записки чудака // Белый 1922b, 28-29; Белый 1921a, 65.

¹¹³ См. Петров 2016, 287-331; Петров 2017b, 561-577; Петров 2018b, 13-65.

¹¹⁴ Подробнее см. Петров 2022 (в печати).

трех измерений используется у Мережковского, как минимум, в 4 работах¹¹⁵. В связи с этим примечательно рассуждение Мережковского о Лермонтове. Мережковский представляет поэта существом из «высших измерений», явившегося к нам, трехмерным и материальным людям. Падший ангел Лермонтов намеренно отбрасывает одну из своих степеней свободы, он хочет «расплющиться» и «опошлиться» подобно чёрту у Достоевского:

«В человеческом облике не совсем человек; существо иного порядка, иного измерения. ... Все пошлости Лермонтова — это безумное желание “воплотиться окончательно в семипудовую купчиху”. ...И когда люди, наконец, решают: “да это вовсе не великий, а самый обыкновенный человек”, — он рад, этого-то ему и нужно: слава Богу, поверили, что — как все, точь-в-точь — как все! Удалось-таки втиснуть четвёртое измерение в третье, “забыть незабвенное”, “попариться” и согреться хоть

---

¹¹⁵ Мережковский Д.С. Лев Толстой и Достоевский. Религия. Ч. 1 (1900–1902) // Т. 11, 216-217; *Он же*. В обезьяньих лапах. О Леониде Андрееве (1908) // Т. 16, 14-15: «Недосягаемые глубины мистического созерцания, перейдя из четвертого измерения во второе, в общедоступную плоскость, как бы невероятно *расплющились*»; *Он же*. Гоголь. Творчество, жизнь и религия (1908) // Т. 15, С. 213: «Все, что имеет три измерения, [Хлестаков] приводит ... к двум или к одному — к совершенной плоскости, пошлости. ... Все... слишком глубокое и высокое ... [Чичиков] сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, *расплющивает* до последней степени плоскости и краткости»; *Он же*. Франциск Ассизский (1935) // Мережковский 2000, 190-191: «Если бы могли себе представить, что значило бы для нас сделаться из “трехмерных”, высоких и глубоких существ существами абсолютно плоскими, двух-мерными; если бы мы могли себе представить ужас как бы *расплющения* под неимоверною тяжестью и то, как, лишившись физической свободы движения вверх и вниз — символа бесконечной свободы метафизической (в выборе “добра” и “зла” <...>), мы обрели бы себя на движение по абсолютной плоскости, гнусное пресмыкание, ползание, — символ рабства бесконечного <...> [И напротив] только по <...> ужасу оставленной нами позади «двух-мерности», плоскости, — рабства — мы могли бы отчасти судить о том блаженстве свободы, какое мы испытали бы, если бы перешли из нашего мира, трехмерного, <...> в тот “четырёхмерный”, бесконечно-свободнейший мир окончательно побежденных глубин и высот, где уже “ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь, не отлучат нас от любви... во Христе” (Рим 8:39)».

чутьочку в “торговой бане” от ледяного холода межпланетных пространств!¹¹⁶».

Здесь Мережковский строит свое рассуждение на главке «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского¹¹⁷. Позже, в «Истории становления самосознующей души» Андрей Белый перерабатывает цитируемый отрывок из Мережковского в антропософском ключе¹¹⁸.

Эсер Николай Маликов

Обращаясь памятью к студенческому курсу проф. Умова и своему университетскому реферату, Андрей Белый сравнивает неуклонное уменьшение размерностей своего существования — от четырехмерного через трехмерное к двухмерному — с фазовыми переходами, говоря, что потенциальная энергия «воспоминаний о Дорнахе» разрядилась у него в кинетическую энергию лондонской беготни:

«Память — солиднейший вес; но энергия кинетическая нашей жизни здесь, в Лондоне, перевесила потенциалы воспоминаний о Дорнахе, разредив их в энергию действий, которую развивали в английских участках с товарищем мы; как известно в физическом мире господствует нарастание энтропии от невозможности вновь собрать в полной мере тепло, одну из существенных форм превращений энергии; так мы: после Лондона мы себя ощутили с товарищем охлажденными: посередине сердечного места, где сохраняли мы жар, ощутили мы холодно давящий нас камень: потенциальная энергия в Лондоне перешла в кинетическую; часть последней — рассеялась, выделяя из нас теплоту в мировое ничто; следствием выделения тепла — образование сначала туманных паров в наших душах, потом превращение этих паров в водяные осадки, и наконец — в твердый лед; кусок твердого льда ощущаю в себе и доселе;

---

¹¹⁶ Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества (1908) // Т. 16, 177-178.

¹¹⁷ См. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 4. Кн. 11. IX. Черт. Кошмар Ивана Федоровича.

¹¹⁸ Андрей Белый. История становления самосознующей души. Кн. 2 / Белый 2020, 159-160. Также см. Петров 2016, 306-307; Петров 2017b, 565.

его я привез из туманного Альбиона: британец искусными действиями положил в меня лед»¹¹⁹.

Потенциальная энергия духовного сосредоточения (жар Дорнаха) перешла в кинетическую энергию беготни по Лондону, а последняя и вовсе рассеялась, выделив «из нас теплоту в мировое ничто». И как Лондон материализовался из туманов, так теперь в душах путешественников поднялись испарения, стужившиеся до капель, которые затем превратились в лед.

Ту же теорию развивает в лондонских главках некий безымянный «друг», с которым русские путешественники встречаются в кафе у Вестминстерского аббатства. В «Записках чудака» Андрей Белый не называет его имени. Он вкладывает в уста этого друга следующие слова:

«Друг, переменившийся за это время, здесь в Лондоне, развивал нам теорию, что лучше попасть в концентрационный лагерь Германии или в русский участок, чем просидеть здесь, как он, целый год без возможности выбраться.

— «Знаете: я ощущаю здесь странное состояние сознания... Умер я... Они стерли меня. Превратили меня в пункт: в теоретический пункт — теоретического пространства. Мне кажется: Лондона нет. Есть — ничто... Но и нет ничего, кроме Лондона... Все, что было, погибло... Я — умер... Когда я сюда переехал “Я” жило во мне... Но они окружили меня шпионажем! Они, проникая меня, разъедали меня... И наконец, я — исчезло»¹²⁰.

Личность неназванного друга несложно установить. Речь идет о молодом человеке — эсере Николае Александровиче Маликове. Сын известного толстовца-революционера¹²¹, Маликов эмигрировал из России в Швейцарию, чтобы избежать тюрьмы за политическую деятельность. В антропософской общине Дорнаха состояла его сестра Екатерина Александровна Ильина, и Маликов примкнул к антропософам. Николай Маликов, Екатерина Ильина, Андрей Белый и Ася Тургенева некоторое время жили вместе, вскладчину

---

¹¹⁹ Записки чудака // Белый 1922b, 33-34; Белый 1921a, 67-68.

¹²⁰ Записки чудака // Белый 1922b, 41-42; Белый 1921a, 73.

¹²¹ Отец Маликова, Александр Капитонович Маликов (1841–1904), арестовывался за революционную пропаганду, эмигрировал в Америку, где провел два года; о Маликовых см. Лавров А.В. в кн.: Белый 1998, с. 115, примеч. 9.

снямая квартиру, где по вечерам собирались антропософы и революционеры, чтобы вести жаркие споры. Затем Маликов перебрался в Лондон, где, как студент-химик, поступил в Университетский колледж Лондона, располагавшийся на Гауэр-стрит. После начала войны он захотел вернуться в Россию, но застрял в Лондоне — британцы отказывали ему в выездной визе. Уже находясь в Москве, Андрей Белый хлопотал за Маликова: сохранились его соответствующие письма от мая 1917 г. к Иванову-Разумнику и С.Д. Мстиславскому. Вот выдержка из одного такого послания, проясняющая загадочные строки «Записок чудака» про «концлагерь в Германии» и «русский участок»:

«Мой друг, Николай Александрович Маликов (сын толстовца Маликова и эмигрант) вернулся из Лондона, где он последнее время служил в военном Комитете. Прежде он был «эс-эр», за что и был выслан русским правительством. Война застала его в Дорнахе, куда он приехал к сестре (*антропософке* <...>). Н.А. Маликов прожил в Дорнахе год от весны 1914 до осени 1915 года, когда уехал в Лондон (в колледж); Н.А. Маликов давно стремился в Россию; ему хотелось быть полезным в каком-нибудь военном деле: он — хороший химик и физик (хотя Университета еще не окончил); осенью, проездом через Лондон, я все время проводил с Н.А., видел, как он томится там: ему хотелось дела в России и он готов был ехать, хотя бы для того, чтоб попасть... в тюрьму. Теперь Н.А. Маликов хочет поступить в какое-нибудь училище или на какую-нибудь службу <...> Н.А. Маликов и до сей поры «эс-эрских» взглядов. Мы очень близки с ним во взгляде на современное положение. Может быть, Вы или С.Д. Масловский¹²² можете дать ему какие-либо указания. Или, быть может, можете его направить к Керенскому или кому-либо из эс-эров, военных. Этот юноша мне очень симпатичен...»¹²³.

Сопоставление соответствующих фрагментов из «Записок чудака» и письма к Иванову-Разумнику позволяет судить о степени трансформации, которую претерпевала фактическая основа лон-

¹²² Эсер С.Д. Масловский (публиковавшийся под псевд. «Мстиславский») в то время был секретарем Николаевской Военной Академии.

¹²³ Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 26 мая 1917 г. // Белый 1998, 116-117. Схожая просьба содержится в письме от 17 мая 1917 г., см. Там же, 113-116.

донских перипетий 1916 года в авторской художественной переработке года 1919-го.

Тем временем, в «Записках чудака» Андрей Белый вновь возвращается к теме разложения на атомы:

«Так меня окончательно разложили они, чтобы самые атомы тела распались во мне в электроны, а электроны — в мэоны — мэоны — в эон; в эон пустоты должен был перейти; Лондон — флёр пустоты»¹²⁴.

Таким образом, Лондон превратил Белого и его друга-химика Маликова в «атомистический вихрь» и «теоретический пункт». Энергия Белого рассеялась, а энтропия возросла. Автор выражает надежду, что, возможно, сортирующий демон Максвелла, работающий на уменьшение энтропии, когда-либо снова соберет его мыслящее Я (это отголосок теории вечного возвращения Ницше):

«Так прошло восемь дней <...> Вечерами я сживал в уединенном кафе с бедным другом, приехавшим изучать сюда тайны гения — Томсона, Ньютона, Лоджа, Максвелла, — и превращенного — Томсоном, Ньютоном, Лоджем, Максвеллом — в атомистический вихрь, в — “а” — “б” — “с” —, как и я, чтобы некогда, в новой творимой вселенной — ужасной вселенной — при помощи сортирующего Максвеллова демона — («дженгельменчика», иль — Лемура) собраться в “Я — мыслю»»¹²⁵.

Заключительные слова цитаты «Я — мыслю» представляют собой начало известного афоризма Декарта и, тем самым, требуют завершения в «следовательно, я существую». Автор полагает, что труд демона Максвелла, направленный на уменьшение энтропии, некогда приведет к созданию какой-то новой, неведомой и ужасной вселенной. Впрочем то, что демон уподоблен «лемуре», не внушает особенного оптимизма.

«Фауст» Гёте и лемуры

Упомянув «лемура», Андрей Белый отсылает нас к финалу «Фауста» Гёте, в котором ослепший Фауст, отдавая приказания духам-лемурам, строит, как ему кажется, плотину, чтобы осушить

---

¹²⁴ Записки чудака // Белый 1922b, 56; Белый 1921a, 82.

¹²⁵ Записки чудака // Белый 1922b, 55-56; Белый 1921a, 81-82. «Я — мыслю» отсылает к знаменитому афоризму Декарта.

болота и создать плодородный край. Но лемуры, помощники Мефистофеля, всего лишь копают для него могилу. Когда Фауст умирает, лемуры кладут его на землю, а Мефистофель произносит:

«‘Прошло’ и ‘не было’ — равны между собой!
 Что предстоит всему творенью?
 Всё, всё идёт к уничтоженью!
 ‘Прошло’... что это значит? Всё равно,
 Как если б вовсе не было оно —
 Вертелось лишь в глазах, как будто было!
 Нет, вечное Ничто одно мне мило!».

(Пер. Н.А. Холодковского)

Так лондонское «ничто» рифмуется с концовкой гётевского «Фауста». «Фауст» возникает еще и по личной причине: драма начинается и заканчивается описанием борьбы Бога и дьявола за душу героя. В финале душу Фауста уносят на небо ангелы. Белый вспоминал, как в августе 1915 года Р. Штейнер ставил в Дорнахе свою мистерию «Фауст»:

«Два ряда “ангелов”, <...> выносящих на сцену изображения Фауста в “кукольном состоянии”, отбитого у Чорта, возглавляли две души, мне особо близкие <...>; во главе одного ряда, левого, шла Ася, как хорэг ряда; во главе другого, правого, — Наташа. Эти ряды ангелов “спасали” Фауста; <...> шел лютей бой сил тьмы и света за мое свободное, самосознающее, с такой мукой в дух рожаемое “Я” <...>. В том-то и трепет мистерий, что опасности, переживаемые в них, будучи поданы в символическом жесте, *совершенно реальны, а не аллегоричны*; то, что сегодня увиделось символом и что вызвало символ ответный, завтра выявится воплощением в жизнь»¹²⁶.

Андрей Белый видел в Фаусте себя, это его душу в виде куколки несли ангелы. Правую и левую вереницу ангелов возглавляли две сестры — Ася и Наташа Тургеневы, одну он любил духовной любовью, к другой испытывал телесное влечение. Они обе остались в Дорнахе, и боль разрыва с ними, которую переживал Белый, должно быть, особенно остро чувствовалась в Лондоне.

¹²⁶ Ср.: Материал к биографии // Белый 2016, 261.

П.Н. Миллюков и Борис Бугаев

В лондонских главах «Записок чудака» несколько раз упоминается П.Г. Миллюков.

«“Оксфорд” — думал я, “тот Оксфорд, где <...> профессора Умова, облача в ритуальную тогу, торжественно посвящали в сан «доктора физики», и куда уезжал Виноградов¹²⁷ <...>; где ныне сидит Миллюков¹²⁸: и где нам — не бывать”».

«О, если бы знал Миллюков, проживавший в то самое время в Оксфорде, во что превращали собрата его по перу!».

---

¹²⁷ Виноградов, Павел Гаврилович (1854–1925) — историк-медиевист, правовед, ординарный профессор Императорского Московского университета. В 1902 г. после студенческих волнений и конфликта с министром просвещения Ванновским уехал в Англию. С 1903 года — профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. Вернулся в Московский университет в 1908 году. В 1914 г. избран сверхштатным академиком Императорской Академии наук, в 1916 — председателем исполнительного комитета Англо-русского общества. В начале 1917 г. удостоен звания рыцаря Англии (в дальнейшем — баронет и сэр). В 1918 г. Виноградов получил британское подданство. В 1925 г. по случаю присуждения ему степени почетного доктора Виноградов приглашен в Парижский университет, где простудился и скончался. Похоронен в Оксфорде. Надпись на его могиле гласит: «Hospitae Britanniae gratus advena» («Гостеприимной Британии благодарный пришелец»). Ср.: Ракурс к дневнику, Январь 1926 г. // Белый 2016, 489: «Читал <...> учебники по новой истории (и между прочим Виноградова)».

¹²⁸ Миллюков, Павел Николаевич (1859–1943), политик, историк. Ученик П.Г. Виноградова, В. Ключевского. С 1890-х — член Общества истории и древностей российских, Московского археологического общества, Общества естествознания, географии и археологии. В 1905 г. стал одним из основателей Конституционно-демократической партии, которую впоследствии возглавил. После начала Первой мировой войны — сторонник «войны до победного конца» и передачу России контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. Министр иностранных дел первого состава Временного правительства в 1917 г. Поддерживал Корниловское движение, после его поражения уехал из Петрограда в Крым, был сторонником вооружённой борьбы с большевиками. Пережил покушение монархистов в 1922 г. (тогда погиб В.Д. Набоков). Опубликовал книги: «История второй русской революции», «Россия на переломе», «Эмиграция на перепутье», начал писать «Воспоминания» (остались незавершёнными).

Милуков и Виноградов действительно в тот момент находились в Англии, однако не в Оксфорде, а в Кембридже, где 2–14 августа 1916 г. проходили заседания летней, «расширенной» сессии Кембриджского университета. На повестке дня стояла демонстрация единства Англии и России в условиях совместного противостояния Германии. Русские и английские докладчики выступали с докладами, посвященными политической жизни, науке и культуре России. От России на съезд были приглашены ученые, вовлеченные в общественную и политическую деятельность: представители думской оппозиции, кадеты П.Н. Милуков и П.Б. Струве, трудовик А.Ф. Аладьин, представитель Польского национального комитета в Думе Р.В. Дмовский, почетный секретарь английского комитета помощи русским военнопленным академик П.Г. Виноградов и академик А.С. Лаппо-Данилевский. Там же присутствовали связанные с Россией слависты Бернард Пэрс¹²⁹ и Гарольд Уильямс¹³⁰. По материалам конференции был опубликован сборник эссе «Русские реалии и проблемы» (1917).

11 августа 1916 г. в присутствии канцлера и вице-канцлера университета Лаппо-Данилевскому, Милукову, Струве и Дмовскому были присуждены степени докторов права *honoris causa* (в 1905 г. та же степень была присуждена П.Г. Виноградову). Официальный оратор университета сэра Дж. Сэндса воздал на латинском

¹²⁹ Пэрс, Бернард (Bernard Pares) — преподаватель русского языка в Лондонском университете. Учился в Тринити Колледж (Кембридж). С 1902 г. он был выездным преподавателем (Extension Lecturer) в Оксфорде, в 1907–1917 — секретарем Школы русских исследований Ливерпульского университета. В 1917 г. стал королевским атташе в Петрограде.

¹³⁰ Уильямс, Гарольд (Williams, Harold Whitmore, 1876–1928) — уроженец Новой Зеландии, британский журналист, полиглот, лингвист, долгие годы проживший в России, изучивший множество языков населяющих ее народов. В 1906 г. Уильямс женился на А.В. Тырковой (1869–1962) — кадетке, революционерке и писательнице. В 1914–1916 гг. находился вместе с русской армией на фронте в Карпатах. Работал в петроградском Британском офисе пропаганды (British Propaganda Office), организованном британскими спецслужбами. Помимо разведывательных целей, основной задачей сотрудников Офиса была деятельность по недопущению выхода России из войны посредством заключения мира с Германией. Автор книги: Williams H. *Russia of the Russians*. London, 1914. — 430 p.

языке хвалы каждому из четырех новых докторов права¹³¹.

На пути из России в Англию и обратно Милуков останавливался в Христиании (Осло). Сохранились его воспоминания об этой поездке:

«Я получил два приглашения <...> Одно — в Англию. Наш доброжелатель, профессор Пэрс <...> сделал из этого тему для очередного летнего съезда *University Extension* в Кембридже. Приглашены были участвовать лекциями я, Струве и Дмовский¹³².

Другое предложение, на некотором промежутке, было из Христиании — прочесть в университете несколько лекций на обратном пути. <...> В Христиании Гулькевич¹³³ встретил меня как старого знакомого и устроил мне интересное свидание с королем Гаконом¹³⁴. Я был совершенно очарован приемом короля. Уже не молодой, он встретил меня с видом студента, который хочет оказать почтение своему профессору.

---

¹³¹ Подробное описание чествования русских ученых в Кембриджском университете 2–14 августа 1916 г. см. в: Басаргина 2014, 54–63.

¹³² Дмовский, Роман Станислав (Роман Валентинович Дмовский, 1864—1939), представитель Польского национального комитета в Думе. С 1916 г. почётный доктор Кембриджского университета. В 1907–1909 был членом II и III созывов Государственной Думы России. Во время Первой мировой войны возглавлял Польский национальный комитет, созданный 25 ноября 1914 в Петербурге, затем одноимённый комитет (создан в 1917) в Париже. В октябре-декабре 1923 министр иностранных дел Польши. Оказал большое влияние на всплеск расового антисемитизма в Польше в 1920–30-е годы.

¹³³ Гулькевич, Константин Николаевич (1865–1935) — русский дипломат. С февраля 1915 по март 1917 года — российский посланник в Норвегии. С марта 1917 года назначен Временным правительством послом в Швеции. В декабре 1917 года, декретом Льва Троцкого уволен со службы. Продолжил работу российского посольства в Стокгольме, поскольку с 1918 года в столице Швеции действовало параллельно два российских посольства — «белое» посольство, возглавляемое Гулькевичем, и «красное» полпредство, возглавляемое Вацловым Воровским (в начале 1919 г. Воровский был выслан из Швеции). В эмиграции Гулькевич участвовал в издательстве Е.А. Ляцкого «Северные огни» в Стокгольме и издательстве «Слово» в Берлине. С 1922 г. и до смерти жил в Швейцарии.

¹³⁴ Хокон (Haakon) VII (1872–1957) — король Норвегии.

В Кембридже меня ожидала знакомая обстановка летнего съезда *University Extension* <...> Сенат Кембриджского университета решил возвести нас в звание почетных докторов. Ритуал был проведен с обычной торжественностью <...> Я с интересом выслушал, что являюсь потомком того “Павла, который некогда пришел из далеких стран к реке Кэм”¹³⁵, принеся с собой просвещение. <...> Я, таким образом, получил право ставить при своей фамилии буквы *LLD* (*Legum Doctor*) <...>

Гораздо чувствительнее для меня был банкет, специально устроенный для меня профессорами и “избранной публикой”; на нем произнес приветственную речь *Sir Paul Vinogradoff*, создавший себе мировое имя лекциями по средневековому праву на оксфордской кафедре, после того как он был принужден, одновременно с М.М. Ковалевским и С.А. Муромцевым, уйти из Московского университета от правительственных гонений. Взволнованная речь моего старого учителя и друга как бы восстановила отношения, испорченные охлаждением дружбы, а потом и расхождением во взглядах (П.Г. был ближе всего к октябристам). <...> Перед отъездом из Англии я виделся с престарелым графом Бенкендорфом <...>

На обратном пути я остановился в Христиании для прочтения лекций. Тема, мне заданная, была характеристика “русской души”. <...> Я узнал, что после отделения от Швеции норвежский литературный язык быстро <...> переходит от литературного датского к мужицкому шведскому, мне известному. Это еще укрепило мои симпатии к демократической стране. Я потратил на эту вторую поездку август и часть сентября [1916 г.]»¹³⁶.

Воспоминания Милюкова составляют разительный контраст с воспоминаниями Андрея Белого. В отличие от радушно встречаемого Милюкова, которого принимали и награждали в британских академических кругах, встречали при норвежском дворе и в Университете Осло, Белый был лишен средств к существованию, он остро переживал свою незащищенность от произвола бюрократов, регулировавших перемещение людей через границы воюющих (или союзных) европейских государств. В личном и общественном

---

¹³⁵ Кэм — река, протекающая через Кембридж. Под «первым Павлом», видимо, подразумевается П.Г. Виноградов.

¹³⁶ Милюков 1955, 439-442.

плане он был униженным, затравленным, одиноким — «сведенным до нуля». Как и Милюков, он плыл в Россию через Норвегию: по иронии судьбы пароход, на котором он пересекал бурные воды Северного моря, был назван в честь того самого короля Хокона, который с почетом принимал П.Н. Милюкова. Таков подтекст упоминаний о Милюкове в «Записках чудака», если мы ограничимся событиями 1916 года.

Следует также учитывать, что «Записки» создавались в 1919 г., когда Белый находился под сильным влиянием Иванова-Разумника, которого он сам однажды назвал «ультра-левым эсером»¹³⁷.

Заметим, что сам Андрей Белый нередко демонстрирует жизненные установки аполитичного буржуа, к чему его подталкивало «профессорское» происхождение, окружение родителей и общение с семействами Бердяевых, Григоровых¹³⁸, Соловьевых¹³⁹ (осенью 1916 г. Белого принимали в доме Ф.Ф. Кокошкина, о чем он никогда впоследствии не упоминал)¹⁴⁰. Не случайно в письмах того времени Иванов-Разумник раз за разом призывает Белого покинуть Москву и перебраться к нему в Царское Село, чтобы избавиться от дурного буржуазного влияния московского окружения.

---

¹³⁷ См. Андрей Белый. Ракурс к дневнику, апрель 1917 г. // Белый 2016, 434: «Обмен писем с Р.В. Ивановым, уже занимающим ультралевое положение в эс-эровских кругах (между прочим, он — вне партии); в это время образуется группа Камков, Спиридонова, Мстиславский, Трутковский “*et tutti*”, среди которых Разумник оказывается законодателем *литер<атурных> вкусов* (не будучи сам в партии “левых эс-эров”)».

¹³⁸ Руководитель «антропософского кружка» Б.П. Григоров, у которого жил АБ, был помощником Николая Михайловича Кишкина (1864–1930) — одного из лидеров партии кадетов и ее московской группы; комиссара Временного правительства в Москве, с 25 сентября 1917 г. министра государственного призрения Временного правительства. Его жена Н.А. Григорова была сестрой П.А. Бурышкина — промышленника, товарища московского городского головы, автора мемуарной книги «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954).

¹³⁹ Ср.: Андрей Белый — Иванову-Разумнику, 27 июля 1917 г. // Белый 1998, 124: «Сережа Соловьев и Танечка (моя бель-сёр) опрокидывали мне на голову «*милюковщину*» <...> Я переселялся к Бердяевым, но тут вступал в жестокие конфликты с Л.Ю. Бердяевой и ее сестрой на политические темы».

¹⁴⁰ См.: Спивак 1995, 185-186.

В другой своей ипостаси, как художник, Андрей Белый был индивидуалистом и анархистом, поклонником Ницше и Штирнера, а потому искренне не желал представлять перед окружающими буржуазным ретроградом.

К прогрессивной «революционной» части окружения Белого относились эсеры, с которыми он плотно контактировал. С эсерами были связаны авторитетные для Белого А. А. Ремизов и Мережковские. В Швейцарии (называя только немногих) Белый жил и работал на строительстве Гётеанума вместе с К.А. Лигским¹⁴¹, Н.А. Маликовым и др., в России на короткий постреволюционный период его покровителями стали С.Д. Масловский и особенно Иванов-Разумник, через которого Белый познакомился с М. Спиридоновой и многими другими эсерами. В письмах Белый неоднократно уверяет не только Разумника Васильевича, но и себя самого в том, что ему близки взгляды эсеров, что ему нравится читать статьи М.В. Чернова и пр., но одновременно признает, что ничего не понимает в политике. (Еще позже, он наивно и по-детски будет пытаться предстать «своим» перед большевиками и советской властью)¹⁴².

Между прочим, когда Белый карикатурно вывел среду профессоров московского университета в своих воспоминаниях, Милюков посчитал это неумной карикатурой (он помнил Борю Бугаева еще мальчиком)¹⁴³. П.Н. Милюков не принимал сочинений и

---

¹⁴¹ Лигский, Константин Андреевич (1882–1931) — эсер, член боевой дружины, каторжанин. Эмигрировал в Италию, где был секретарем А.В. Амфитеатрова, откуда переехал в Дорнах, присоединившись к общине антропософов. В 1918 г. Лигский вступил в РКП(б), а с 1920 г. работал в Наркомате иностранных дел, занимая дипломатические должности в Польше, Японии и Греции.

¹⁴² Петров 2018е, 415-452.

¹⁴³ Ср.: Милюков 1955, 102: «Профессорский круг, в который мы входили, был впоследствии изображен в комическом и злобном освещении сыном одного из профессоров, известного математика и шахматиста Бугаева. В те годы Андрей Белый еще сидел на коленях матери и был многообещающим ребенком. Он вырос в оппозиции к “старшим”, и его талант наблюдателя дал ему возможность отметить многое, действительно смешное в этом маленьком мирке. Таковы уже обычные антагонизмы между “детьми и отцами”. Но было бы очень жаль, если бы это тенденциозное и капризное освещение московского университетского либерального кружка конца века перешло в историю».

манер Белого и эстетически¹⁴⁴. Несмотря на всё это, он следил за карьерой Андрея Белого: в его архиве сохранились газетные вырезки, освещающие творческий путь писателя¹⁴⁵.

Таков непростой фон кратких, загадочных отсылок к П.Н. Милокову в «Записках чудака» Андрея Белого. Прояснив его, мы завершаем анализ лондонских глав «Записок», заметив, что они скрывают еще ряд любопытных исторических сюжетов и обстоятельств, требующих рассмотрения и подробного комментирования. Их дешифровке мы планируем посвятить отдельную публикацию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Амелин, Мордерер 2001 — Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М. – СПб.: Языки русской культуры, 2001. С. 291-292 [Amelin G.G., Morderer V.Ia. *Miry i stolknoveniia Osipa Mandel'shtama*. Moscow, Saint Petersburg: Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. P. 291-292. (in Russ.)].
- Афанасьев & Сахаров 2001 — Афанасьев А.К., Сахаров В.А. Массонские перчатки П.А. Вяземского / Вестник РУДН. Сер. Литературоведение, журналистика. 2001. № 5. С. 99-100 [Afanas'ev A.K., Sakharov V.A. "Masonskie perchatki P.A. Viazemskogo", *Vestnik RUDN. Ser. Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2001. Vol. 5. P. 99-100. (in Russ.)].
- Басаргина 2014 — Басаргина Е.Ю. 'Русский сезон' в Кембридже в 1916 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 54-63 [Basargina E. "Russkii sezon v Kembridzhe v 1916 g.", *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. 2014. Vol. 2. P. 54-63. (in Russ.)].

---

¹⁴⁴ Ср.: Милоков 1955, 191: «В центре восторженного поклонения М.К. [Маргариты Кирилловны Морозовой] находился Андрей Белый. В нем особенно интересовал мою собеседницу элемент нарочитого священнодействия. Белый не просто ходил, а порхал в воздухе неземным созданием, едва прикасаясь к полу, производя руками какие-то волнообразные движения, вроде крыльев, которые умиленно воспроизводила М.К. Он не просто говорил: он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы. В них крылась тайна, недоступная профанам. Я видел Белого только ребенком в его семье, и все это фальшивое ломанье, наблюдавшееся и другими — только без поклонения, — вызывало во мне крайне неприятное чувство». Критические портреты Александра Блока и Андрея Белого П.Н. Милоков дает в «Очерках по истории русской культуры», см.: Милоков 1994, 337-342.

¹⁴⁵ Янгиров 2002, 128-132.

- Белый 1919 — «Я». Эпопея. Т. 1. Записки чудака. Ч. 1. Возвращение на родину // Записки мечтателей. № 1. Пб.: Алконост, 1919. С. 9-71.
- Белый 1921a — «Я». Эпопея (продолжение) // Записки мечтателей. № 2–3. Пб.: Алконост, 1921. С. 5-95.
- Белый 1922a — Записки чудака. Том 1. М. – Берлин: Геликон, 1922. — 212 с.
- Белый 1922b — Записки чудака. Том 2. М. – Берлин: Геликон, 1922. — 240 с.
- Белый 1922c — Преступление Николая Летаева // Современные записки. 1922. № 11. С. 65-89.
- Белый 1922d — Томочка-песик (Отрывок из романа “Эпопея”) // Дни (Берлин). 1922. № 48. 24 декабря (напечатан Жоржем Нива в кн.: Русский альманах. Париж, 1981. С. 9-20.
- Белый 1930 — Маски. М.: ГИХЛ, 1932. — 448 с.
- Белый 1933 — Между двух революций. Л.: Издательство писателей, 1934. — 409 с.
- Белый 1994 — Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. В.М. Пискунова; комм. С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова // Собр. соч. М.: Республика, 1994. — 559 с.
- Белый 1995a — Воспоминания о Блоке // Собр. соч. / Под ред. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. — 510 с.
- Белый 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. — 736 с.
- Белый 2006 — Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Вступ. ст., подг. текста, состав., прим. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада. СПб.: Академический проект; М.: Прогресс-Плеяда, 2006 (Новая Библиотека поэта). — 640 с.
- Белый 2010 — Символизм. Книга статей / Общ. ред. В.М. Пискунова. М.: Культурная революция, Республика, 2010. — 527 с.
- Белый 2012 — Арабески [1911]. Луг зеленый [1905] / Общ. ред., послесл. и коммент. Л.А. Сугай, сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2012. — 590 с.
- Белый 2013 — Мастерство Гоголя / Общ. ред., сост., послесл. и коммент. Л.А. Сугай. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2013. — 559 с.
- Белый 2014a — Начало века. Берлинская редакция / Изд. подготовил А.В. Лавров. СПб.: Наука, 2014. — 1064 с.
- Белый 2014b — Ритм как диалектика и «Медный всадник» (1928) / Сост., послесл. и комм. Д.О. Торшилова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. — 528 с.

- Белый 2014с — Симфонии / Сост., подг. текста, послесл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. — 450 с.
- Белый 2016 — Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, науч. ред. М.Л. Спивак. М.: Наука, 2016 (Литературное наследство. Т. 105). — 1117 с.
- Белый 2020 — История становления самосознающей души. В 2-х кн. Кн. 2 / Сост., текста и комм. М.П. Одесского, М.Л. Спивак, Х. Шталь. М.: ИМЛИ РАН, 2020 (Литературное наследство. Т. 112). — 800 с.
- Бергсон 1911 — Материя и память. Исследование об отношении тела к духу / Пер. с фр. А. Баулер. СПб., 1911. — 268 с.
- Бергсон 1914 — Материя и память / Пер. В. Базарова // Собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1914. — 250 с.
- Блок 1980 — Александр Блок в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста и комм. Вл. Орлова. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980. — 527 с.
- Блок 1997 — Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997. — 992 с.
- Бовшек 1965 — Бовшек, Анна. Глазами друга. Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // Кржижановский С.Д. Собр. соч. Т. 6 / Сост., подгот. текста и комм. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2013. С. 197-281. — 688 с.
- Венгерова 1915 — Венгерова З. Английские футуристы // Стрелец. Сб. 1 / Под ред. А. Беленсона, обложка Н. Кульбина. Петроград, 1915. С. 91-104 (перепеч. в ТрА 2018, 182–191 и Паунд 2003, 841-848).
- Волошин 2004 — Волошин М. Собрание сочинений. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931. М.: Эллис Лак 2000, 2004. — 768 с.
- Гейне 1904 — Гейне, Генрих. Путевые картины. Отрывочные заметки об Англии // Полное собрание сочинений Генриха Гейне. 2-е изд. / Под ред. Петра Вейнберга. Т. 1. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1904. [Приложение к журналу «Нива» на 1904 г.]. — 650 с.
- Гельмгольц 1902 — Гельмгольц Г. Об интегралах уравнений гидродинамики, соответствующих вихревым движениям // Он же. Два исследования по гидродинамике / Пер. под ред. С.А. Чаплыгина. М., 1902. С. 5-51.
- Годье-Бржешка 1997 — Годье-Бржешка, Анри. Вортекс / Пер. с англ. К.К. Чухрукидзе // Паунд Э. Путеводитель по культуре. М.: Логос, Гнозис, 1997. С. 124-131 (см. также пер. В. Фещенко в ТрА 2018, 162-166).

- Кржижановский — Кржижановский С.Д. Собр. соч. Т. 1–6 / Сост. и комм. В. Перельмутера. СПб.: Симпозиум, 2001–2013.
- Лавров 2007 — Андрей Белый между Конрадом и Честертоном // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: НЛЮ, 2007. С. 180–197. — 520 с. [“Andrei Belyi mezhdru Konradom i Chestertonom”]. Lavrov A.V. *Andrei Bely: Razyyskaniia i etiudy*. Moscow: NLO Publ., 2007. P. 180–197. 520 s. (in Russ.).]
- Лодж 1904 — Лодж, Оливер. Современные взгляды на материю. Лекция в память Роменса, читанная в Оксфордском университете 12 июня 1903 г. / Пер. А.И. Бачинского, просмотренный проф. Н.А. Умовым. СПб.: Книжное дело, 1904. — 35 с.
- Мальбранш 1903, 1906 — Мальбранш Н. Разыскания истины / Пер. с франц. Е.Б. Смеловой / Под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1–2. СПб., 1903, 1906.
- Мережковский 1914 — Полное собрание сочинений в 24 томах. Т. 1–24. М., 1914.
- Мережковский 2000 — Лица святых от Иисуса к нам. М.: АСТ, 2000. — 496 с.
- Милоков 1955 — Воспоминания (1859–1917) / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955, — цит. по изд.: М.: Политиздат, 1991. — 528 с.
- Милоков 1994 — Очерки по истории русской культуры в 3 т. Т. 2, ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994. — 416 с.
- Ницше 1900 — Так говорил Заратустра. Символическая поэма / Пер. Д. Борзаковского, под ред. Арс. Введенского // Собр. соч. Т. 1. М., [1900]. — 360 с.
- Паунд 2003 — Паунд, Эзра. Стихотворения и избранные Cantos. СПб.: Владимир Даль, 2003. — 887 с.
- Петров 2008 — Петров В.В. “Кифара” и “псалтерий” в символической органологии античности и раннего средневековья // Историко-философский ежегодник. 2008. М.: Наука, 2009. С. 27–51 [Petroff, Valery. “*Kifara i psalterii v simvolicheskoi organologii antichnosti i rannego srednevekov'ia*”, *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2008*. Moscow: Nauka Publ., 2009. P. 27–51].
- Петров 2015а — Петров В.В. “Океан бытия, жизни и разума” в философской, мистической и психоаналитической традициях // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 191–248 [Petroff Valery. “*Okean bytiia, zhizni i razuma v filosofskoi, misticheskoi i psikhoanaliticheskoi*

- traditsiiakh” // *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* / Ed. Galina Vdovina. Moscow: Akvilo Press, 2015. P. 191-248].
- Петров 2015b — Петров В.В. Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общ. ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 773-879 [Petroff Valery. “Friedrich Nietzsche and the Eternal Recurrence” // *Mera veshchei: Chelovek v istorii evropeiskoi mysli* / Ed. Galina Vdovina. Moscow: Akvilo Press, 2015. P. 773-879].
- Петров 2016 — Петров В.В. Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 287-331 [Petroff, Valery. “Kontseptual’noe i pertseptual’noe prostranstvo v rannikh rabotakh Andreia Belogo”, *Intellektual’nye traditsii v proshlom i nastoiashchem*. Vol. 3. Moscow: Akvilo Press, 2016. P. 287-331 (in Russ.)].
- Петров 2017a — Петров В.В. “Революция сознания” в работах Андрея Белого 1917–1919 гг. // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 56-76 [Petroff, Valery. “*Revoliutsiia soznaniia v rabotakh Andreia Belogo 1917-1919 gg.*”. *Perelom 1917 goda: revoliutsionnyi kontekst russkoi literatury. Issledovaniia i materialy*, Eds. Vadim Polonskii, Vera Vvedenskaia, Elena Glukhova, Michail Koz’menko. Moscow: IMLI RAN Publ., 2017. P. 56-76 (in Russ.)].
- Петров 2017b — Петров В.В. Репрезентация пространства в “Возврате” Андрея Белого // АРАБЕСКИ Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика / Ред.-сост. Корнелия Ичин, Моника Спивак. Белград: Изд-во Филологического факультета Белградского университета, 2017. С. 561-577 [Petroff, Valery. “*Reprezentatsiia prostranstva v Vozvrate Andreia Belogo*”. *ARABESKI Andreia Belogo: zhiznennyi put’, dukhovnye iskanii, poetika*, Red.-sost. Korneliia Ichin, Monika Spivak. Belgrade, Filologicheskii fakul’tet Belgradskogo universiteta Publ., 2017. P. 561-577 (in Russ.)].
- Петров 2018a — Петров В.В. Революция в физике и антропософское учение Андрея Белого о солнечном атоме // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 349-390 [Petroff, Valery. “*Revoliutsiia v fizike i antroposofskoe uchenie Andreia Belogo o solnechnom atome*” // *Intellektual’nye traditsii v proshlom i nastoiashchem*. Moscow: Akvilo Press, 2018. Vol. 4. P. 349-390 (in Russ.)].
- Петров 2018b — Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах А. Белого, Вячеслава Иванова и М. Волощина // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. Вып. 3 / Сост. С.В.

- Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 13-61 [Petroff, Valery. “Teleologiii, chetvertoe izmerenie i obratnyi khod vremeni v rabotakh A. Belogo, Viacheslava Ivanova i M. Voloshina”. *Viacheslav Ivanov: issledovaniia i materialy*. Vol. 3. Eds. S.V. Fedotova, A.B. Shishkin. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018. P. 13-65 (in Russ.)].
- Петров 2018с — Петров В.В. “Две бездны” в русской литературной и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин, 2018. С. 240-268 [Petroff, Valery. “*Dve bezdny v russkoi literaturnoi i filosofskoi traditsii*: F. Tiutchev, D. Merezhkovskii i Viach. Ivanov”. D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': Sbornik statei / Eds. Oleg Korostelev, Alexei Kholikov. Moscow: Dmitrii Sechin Publ., 2018. P. 240-268 (in Russ.)].
- Петров 2018d — Петров В.В. “Воспоминания странного человека, Андрея Белого” как дневник состояний сознания // Литературный факт. 2018. № 10. С. 210-235 [Petroff, Valery. “*Vospominaniia strannogo cheloveka, Andreia Belogo kak dnevnik sostoianii soznaniia*” // *Literaturnyi fakt*. 2018. Vol. 10. P. 210-235 (in Russ.)].
- Петров 2018e — Петров В.В. В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 415-452 [Petroff, Valery. “V.F. Asmus i Andrei Belyi v 1936 godu”, *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem*. 2018. № 4. P. 415-452. (in Russ.)].
- Петров 2022 — Петров В.В. «Здесь геометрия становится уже религией»: Метафорика неевклидовой геометрии в теоретических построениях Д.С. Мережковского // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2022 (в печати) [Petroff, Valery. “*Zdes' geometriia stanovitsia uzhe religiei*: Metaforika neevklidovoi geometrii v teoreticheskikh postroeniakh D.S. Merezhkovskogo”. *Emigrantica*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2022 (in print) (in Russ.)].
- Серков 2001 — Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.
- Спивак 1995 — Спивак М.Л. «Москва кадетская» Андрея Белого // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 185-186 [Spivak, Monica. “*Moskva kadetskaia Andreia Belogo*”, *Literaturnoe obozrenie*. 1995. Vol. 4/5. P. 185-186 (in Russ.)].
- Томсон 1867 — Томсон В. О вихревых атомах [On Vortex atoms, 1867] / Пер. Н.М. Лихтгейма, прим. З. Цейтлина // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 65-77.

- Томсон 1895а — Шаги к кинетической теории материи (1884) // Томсон (лорд Кельвин), Вильям. Строение материи. Популярные лекции и речи / Пер. с англ. Б.П. Вейнберга / Под ред. проф. И.И. Боргмана. СПб., 1895. С. 154-178.
- Томсон, В. 1895b — Демон-распределитель Максвелла (1879) // Томсон (лорд Кельвин), Вильям. Строение материи. Популярные лекции и речи / Пер. с англ. Б.П. Вейнберга / Под ред. проф. И.И. Боргмана. СПб., 1895. С. 96-99.
- Топоров 2013 — Топоров В.Н. “Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского (1992) // Кржижановский С.Д. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6 / Сост., подгот. текста и комм. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2013. С. 354-498.
- Тра 2018 — Трансатлантический авангард: Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты / Сост., вступ. ст. В.В. Феценко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2018. 360 с.
- Турта 2012 — Турта Е.И. А.М. Ремизов: путь к британскому читателю // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19). С. 99-106 [Turta E.I. “A.M. Remizov: put' k britanskomu chitateliu”, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2012. Vol. 3 (19). P. 99-106 (in Russ.)].
- Умов 1905 — Умов Н.А. Эволюция атома // Научное слово. Кн. 1. Москва, 1905. С. 5-27.
- Ушакова 2017 — Ушакова О. Журнал “Criterion” о русской революции и коммунизме // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 335-362 [Ushakova O. “Zhurnal Criterion o russkoi revoliutsii i kommunizme”, *Literatura dvukh Amerik*. 2017. Vol. 3. P. 335-362 (in Russ.)].
- Хлебников 2001 — Хлебников В. Кручёных (1921) // Собр. соч. в 6 т. / Сост., подгот. текста и прим. Е.Р. Арэнзона и Р.В. Дуганова. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. — 608 с.
- Хинтон 1915 — Хинтон Ч. Четвертое измерение // Хинтон С.Г. Четвертое измерение и Эра новой мысли. Пг., 1915. С. 1-156.
- Цейтлин 1924 — Цейтлин З. Вихревая теория материи, ее развитие и значение // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 78-91.
- Шагинян 1923 — Шагинян М. Андрей Белый. Ч. 2: Эпопея. Морфологические заметки // Она же. Литературный дневник. Москва, Петербург: Круг, 1923. С. 103-110. — 224 с.
- Янгиров 2002 — Янгиров Р.М. Из эпистолярия Андрея Белого. Новые материалы. Приложение: Печатные материалы о Белом в архиве

- П.Н. Милюкова / Вступ. зам., публ. и комм. Р. Янгирова // Андрей Белый. Публикации. Исследования / Ред.-сост. А.Г. Бойчук. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 112-132.
- Bonnechere & Cursaru 2020 — Bonnechere P., Cursaru G. Ἀρχή and δῖνος: Vortices as Cosmogonic Powers and Cosmic Regulators. Study Case: The Whirling Lightning Bolt of Zeus // Archiv für Religionsgeschichte. 2020. Vol. 21–22, Issue 1. P. 449-478.
- Clifford, William Kingdon. Review of “The Unseen Universe” // The Fortnightly Review. June 1, 1875. Vol. 102 (New Series). P. 776-793.
- Cournos, John. Смерть футуризма // Аполлон. 1917. № 8–10. С. 30.
- Cournos, John. The Death of Futurism // The Egoist. 1917. IV, 1. P. 6-7.
- Faraday 1844 — Faraday, M. A speculation touching Electric Conduction and the Nature of Matter // Phil. Mag. [The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science]. Ser. 3. Vol. 24 (January-June). No. 157. Feb. 1844. P. 136-144, <https://www.biodiversitylibrary.org/page/2519616> (июль 2022).
- Gaudier Brzeska H. Vortex // Blast. 1914. № 1 (June 20th). P. 155-158.
- Graham 1863 — Graham, Th. On the molecular mobility of gases // Proceedings of the Royal Society of London. 1863. Vol. 12. P. 611-623.
- Helmholtz und Thomson 1995 — H. Helmholtz und W. Thomson. Begegnungen und Briefe von 1855–1871. Hrsg. von Herbert Hörz. Band II. Berlin, 1995.
- Hinton 1901 — Hinton Ch. The Fourth Dimension. London, 1901. — 247 p.
- Kragh 2002 — Kragh, Helge. The Vortex Atom: A Victorian Theory of Everything // Centaurus. 2002. Vol. 44. P. 32-114.
- Malebranche N. De la Recherche de la Verité. 6eme ed. T. 2. Paris, 1712.
- Maxwell 1875 — Maxwell J.C. Atom // The Encyclopaedia Britannica. 9th ed. Vol. 3. Edinburgh, 1875. P. 36-49.
- Maxwell 1878 — Maxwell J.C. Ether, or Aether // The Encyclopaedia Britannica. 9th ed. Vol. 8. Edinburgh, 1878. P. 568-572.
- Pfannkuchen 2005 — Pfannkuchen, Antje. From Vortex to Vorticism: Ezra Pound’s Art and Science // Intertexts. 2005. Vol. 9 (1). P. 61-76.
- Pound E. Vortex // Blast. 1914. № 1 (June 20th). P. 153-154.
- Ransome 1913 — Ransome, Arthur. Kinetic and Potential Speech // Portraits and Speculations. London: Macmillan, 1913. P. 207-225.
- Saleeby 1905 — Saleeby, Caleb Williams. Gravitation and the ether // Harper’s Magazine. 1905 (July). Vol. 111 (662). P. 237-240.

- Smith 2012 — Smith M.S. *Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture / Ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 189-200.*
- Smith 2013 — Smith M.S. *The London Making of a Modernist: John Cournos in Babel // American Writers in Europe: 1850 to the present / Ed. by Ferdâ Asya. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 75–96.*
- Smith 2017 — Smith M.S. *John Cournos Among the Imagists: Prelude to Petrograd // Journal of Russian American Studies. 2021. 5 (1). P. 24-47.*
- The Unseen Universe — [Stewart B., P.G. Tait]. *The Unseen Universe, or Physical Speculation on a Future State. New York, 1875. 212 p.*
- Thomson 1854 — Thomson W. *Note on the Possible Density of the Luminiferous Medium, and on the Mechanical Value of a Cubic Mile of Sunlight (1854) // Transactions of the Royal Society of Edinburgh. 1857. Vol. 21. Part 1. P. 57-61*
- Thomson 1867 — Thomson, W. *On Vortex Atoms // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. 1867. Vol. VI. P. 94-105. — http://zapatopi.net/kelvin/papers/on_vortex_atoms.html (июль, 2022); reprint.: Phil. Mag. [The London, Edinburgh, and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science]. Ser. 4. Vol. 34. No. 227. July 1867, p. 15-24. — <https://www.biodiversitylibrary.org/page/39600976> (июль, 2022).*

ПЕТРОВ Валерий Валентинович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва), campas.iph@gmail.com

Valery V. PETROFF

THE LONDON VORTEX IN ANDREI BELY'S "DIARIES OF AN IDIOT"

The publication offers an interpretive analysis of Andrei Bely's "Diaries of an Idiot". The historical, philosophical, scientific, literary, religious *etc.* aspects of this most complex autobiographical modernist text are investigated. In the center of consideration are the so-called London Chapters of the book. The genesis of a cycle of novels by Andrei Bely, united by the common title «"I". Epopee» is reconstructed. The meaning of the title "Diaries of an Idiot" is clarified. Fyodor Dostoevsky, Charles Dickens and Goethe ("Faust") are pointed out as the authors whom Andrei Bely was guided by. In turn, it is demonstrated that the representation of war-time London in the "Diaries of an Idiot" was reflected in the "The

Return of Baron Munchausen” by Sigizmund Krzhizhanovsky. The place and semantics of the lexeme “vortex” in the figurative language of Andrei Bely are investigated. It was found that the association of the whirlwind with evil and non-existence was present in Bely’s prose as early as 1903. Particular attention is paid to the analysis of the theme of the disintegration of the world in atomic vortices presented in the “Diaries of an Idiot”. By drawing on the scientific publications of Oliver Lodge and William Thomson (Lord Kelvin) available to Bely, it is shown that the corresponding images in the London Chapters are an artistic rethinking of specific scientific theories of physics of the late 19th and early 20th centuries. This concerns Andrei Bely’s reasoning about entropy, the vortex atom, Maxwell’s demon, *etc.* It is noted, that a significant impact on Andrei Bely’s knowledge of physics was made by the publications of Nikolai Umov, his professor at Moscow University. As a parallel to Andrei Bely’s vortex theories of the world, it is pointed to the artistic movement “Vorticism”, invented by Ezra Pound after getting acquainted with the teachings of W. Thomson about the vortex atom. It is concluded that post-classical physics for Andrei Bely was not the science about the arrangement of the world, but about the destruction of the physical universe. The topic of spy mania during the First World War, which at that time Bely associated with the world Masonic or “astral” conspiracy, is discussed. The identity of an unnamed friend with whom the author met in London has been established: he turned out to be the Socialist-Revolutionary Nikolai Malikov. It is shown for the first time that the theme of “flattening”, understood as a transition from a three-dimensional existence to a two-dimensional one, was borrowed by Andrei Bely from the works of Dmitry Merezhkovsky, in which images of multidimensional spaces and non-Euclidean geometry often occur. The corresponding speculations of Andrei Bely are discussed.

Key words: Andrei Bely, Ivanov-Razumnik, Fyodor Dostoevsky, Charles Dickens, Sigizmund Krzhizhanovsky, Nikolai Umov, Oliver Lodge, William Thomson (Lord Kelvin), Ezra Pound, vortex atom, entropy, post-classical physics.

PETROFF, Valery Valentinovich, Dr Sc (in Philosophy), Chief Research Fellow, RAS Institute of Philosophy (Russian Federation, Moscow), campas.iph@gmail.com

ДЛЯ АВТОРОВ

Проблемно-тематическое издание «Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Intellectual Traditions in Past and Present» является научным, по тематике — междисциплинарным, охватывающим различные области гуманитарного знания. К публикации принимаются рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно соответствовать научному уровню академического издания, обладать определенной новизной и представлять интерес для специалистов гуманитарного профиля.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. К рассмотрению принимаются научные работы, переводы источников в электронном виде в формате MS Word, присланные по электронной почте на адрес: aquilopress@gmail.com, соответствующие тематике издания и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации. Получение рукописей подтверждается. Если уведомление не получено в течение семи дней, пожалуйста, продублируйте отправку материалов.

2. Рекомендуемый объем статей — 1 – 1,5 а.л., включая постраничные примечания, список литературы, аннотацию и ключевые слова. (1 а.л. = 40 000 зн.).

3. Языки публикаций: русский, английский, французский, немецкий, испанский, итальянский.

4. Статьи должны быть подготовлены к процедуре анонимного рецензирования. Информация об авторе должна быть представлена в отдельном файле.

5. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не был сдан в другое издание.

6. Ссылка на издание «Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна.

7. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья должна быть оформлена в соответствии с принятыми в издании требованиями и тщательно вычитана автором.

Текст набирается в программе Word: размер шрифта — 12, шрифт — Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5, поля — 2 см со всех сторон. Абзацы даются с отступом 0,8 см. Заголовки даются жирным шрифтом (по центру).

2. Авторские материалы должны включать следующие элементы:

- — заглавие;
- — аннотация (объем — до 700 знаков);
- — ключевые слова (5-10 основных терминов или персоналий);
- — основной текст статьи;
- — примечания в виде автоматических *постраничных* сносок (в сокращенном варианте);

- — библиографический список источников и литературы, размещенный в конце статьи, входит в общий объем статьи, формируется по алфавиту;
- — сведения об авторе (имя, отчество и фамилия полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес (автора / авторов), номер телефона для связи (который не публикуется).

3. *Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе должны быть представлены на русском и английском языках.* В переводе заголовка, аннотации, ключевых слов не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен.

4. Библиографическая запись должна содержать следующие пункты: автор / авторы, год издания, заглавие, место издания, например: Уколова В.И. 1992: Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука.

Если описывается *сборник статей*, материалы конференции и т.д., то указывается редактор или составитель, например: Цивилизация. 2003 / Сайко Э.В. (ред.) — Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (ред.). М.: Наука, 2003.

То же правило используется и при описании *статьи в сборнике*; следует указывать страницы, на которых расположена статья, например: Хачатурян 2002 — Хачатурян В.М. Возможна ли глобальная история? (по материалам XIX Международного конгресса исторических наук в Осло) // Цивилизации / А.О. Чубарьян (ред.). М., 2002. С. 223-238.

При описании *статьи в журнале* указывается год издания, номер, страницы, на которых расположена статья, напр.: Соломоник 2009 — Соломоник Э.И. О римском флоте в Херсонесе // Вестник древней истории 2 (2009). С. 165-171.

Ссылки на архивные документы приводятся в общем библиографическом списке по автору или, при его отсутствии, по названию документа. Обязательно указывается полное название архивохранилища, номер фонда, название фонда (при наличии), номер описи (при наличии), порядковый номер дела по описи (при наличии), номера листов в деле, например: *Зиновьев И.А.* Секретная депеша от 28 сентября / 11 октября 1901 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 364.

Ссылки на публикации в электронных СМИ или на сайтах приводятся в общем библиографическом списке по автору или заглавию публикации с указанием адреса, где эта публикация размещена, и *датой проверки наличия ресурса*, например: Микаелян Г. Экономические факторы эмиграции населения Армении // Аналитические записки Института Кавказа, март 2022. — http://c-i.am/wp-content/uploads/policy-brief-03_2015_ru.pdf (август, 2022).

5. Иллюстрации должны быть выполнены с учетом возможностей *черно-белой печати*, их следует поместить в текст работы, сопроводив подписями, а также предоставить отдельными файлами в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 DPI. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Все статьи, планируемые к публикации, проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Решение о публикации принимается в течение трех месяцев с момента предоставления рукописи.

2. Плата за публикации не взимается; гонорары не предусмотрены.

3. Передавая материалы в редакцию, автор, в случае их принятия к публикации, соглашается с политикой издательства о распространении его работы в электронном виде в соответствующих профиле издания базах данных на территории всего мира и передачей исключительных прав издателю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ 6 (2022)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> (по автору)
<http://www.doi.org/> (по DOI)
aquilopress.ru

А.В. СЕРЁГИН

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.011](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.011)

А.В. СЕРЁГИН (Пер., примеч.)

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.001](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.001)

В.Т. ЗВИРЕВИЧ (Пер., примеч.), М.С. ПЕТРОВА (Ред. перевода, примеч.)

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.002](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.002)

А.Ю. СЕРЕГИНА

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.003](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.003)

А.Ю. СЕРЕГИНА (Пер., примеч.)

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.004](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.004)

А.С. АФОНАСИНА

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.005](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.005)

Ф.В. ПЕТРОВ

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.006](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.006)

В.К. ПИЧУГИНА, А.Ю. МОЖАЙСКИЙ

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.007](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.007)

И.Г. КОНОВАЛОВА

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.008](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.008)

В.В. ПЕТРОВ

[10.21267/AQUILO.2022.6.6.009](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.6.6.009)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ВЫПУСК 6

Главный редактор

Майя Станиславовна ПЕТРОВА

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории РАН 28 сентября 2022 г.

Рецензенты

Ирина Игоревна БЛАУБЕРГ

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН (Москва)

Вера Павловна БУДАНОВА

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)

Издательство «Аквилон» (Москва)

aquilopress@gmail.com ; <https://www.aquilopress.ru> ; +7 (968) 924–97–30

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 17. 10. 2022
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать цифровая
Усл. печ. л. 35. Тираж 600

Отпечатано в типографии Onebook.ru
«Сам Полиграфист». Москва, Волгоградский
пр., д. 42, стр. 5; info@onebook.ru ;
www.onebook.ru тел. +7 (495) 545–37–10

ISSN 2307–8189

Эл. № ФС77–54409

А К В И Л О Н

AQUILO PRESS

Полные электронные версии выпусков представлены на сайтах

<https://www.aquilopress.ru>

<http://roii.ru/publications/intellectual-tradition>

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-54409 от 10 июня 2013 г.)

Электронная версия — Эл. № ФС77–54409

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам изучения истории идей в разные эпохи. На обширном тематическом материале (идеология и культура, идеи и понятия, текст и образ) авторы демонстрируют, как сосуществовали и влияли друг на друга самые разные традиции, как они усваивались, трансформировались и видоизменялись.

АКВИЛОН

